

**ВЛАДИМИР
МАРЧЕНКО**

М. Ж.

Сатира, ирония, юмор, сарказм

Москва
Издательство «БПП»
2010

К ЧИТАТЕЛЮ

Жил в посёлке парень, не от мира сего, но никто не мог одолеть в шахматной игре. Вошёл Лёня перед киносеансом в форме фашистского офицера с автоматом. Деревянным. «Коммунисты есть?! Встать!» Встали двое. Первый секретарь райкома партии был срочно информирован о «шутке». Те, коммунисты, которые не встали, постояли на ковре. Фельетон в печать не пошёл. В КПСС не вступил, хотя редактор требовал, чтобы беспартийные журналисты вступили в ряды. Установка была такая свыше. В декабре и в феврале ходил в райком партии, но мне отвечали, что лимит на «штиблетников», то есть – интеллигенцию, кончился. Рассказики мои не всем нравились. Хотя, как мне казалось, крамольного ничего в них не было. А посему карьерный рост безбилетнику не светил.

СОДЕРЖАНИЕ

Верьте нам, люди.....	5
Весна	6
Такая работа.	10
Нерентабельное семейство.	14
Полезная вещь.....	17
Загадки природы.....	22
Влияние звёзд.	31
М.Ж.....	36
Игрушки.	44
Угол зрения.....	46
Прожиточный минимум.	53
Репетиция.	57
Жертва.	65
Открытое письмо.....	67
Не в цвете счастье.	70
Нельзя.	74
Как мы на себя плюём.	79
Это для народа.....	86
О символах.	91
Экономический случай.....	96
Лёгкая рука.	102
Горькие плоды.	106
Оздоровитель.	108
Аномальные странности.....	113
Развод.	116
Пошутил.....	118
Ультиматум Папкина.....	125
Верующие	128
Борьба	137
Колбасные сказания	142

ВЕРЬТЕ НАМ, ЛЮДИ

Порфирий Николаевич Пёрышкин — кристалльной души человек, поддерживая за локоток супругу, с огромным чувством собственного достоинства спешил в кинотеатр. До начала сеанса оставалось каких-то нескладных десятков минуток. Опаздывали Пёрышкины.

Им повезло. Около гастронома увидели знакомый автомобиль с красной полосой. На нём работал водителем давний друг и сосед Промакашкин.

— Петрович, голубчик, подбрось нас к кинотеатру, — взмолились Пёрышкины. Промакашкин галантным жестом распахнул заднюю дверцу, помог дородной Аглае Сидоровне втиснуться в автомобильное нутро. Щелкнул замок. Пёрышкины приготовились к быстрой езде, но автомобиль будто примёрз к асфальту. Стрелки на часах занимались своим черным делом.

— Лучше пешком. Порфирий, выгружайся. — Пёрышкин попытался открыть дверку, но она даже не пискнула. Увидев проходившую чету Пузырьковых, Пёрышкин отчаянно застучал в стекло, просовывая руку между металлических прутков.

— Акимыч, в кино спешим. Открой нас! — кричала Аглая, но, увидев бледное лицо сослуживца, замолчала.

— Дружище, вот билеты. Что тебе стоит открыть нас.

— Раечка, — позвала проходившую племянницу Аглая Сидоровна. Но девушка как-то странно посмотрела на автомобиль и заторопилась к ступеням гастро-

нома. Страшная догадка сразила Пёрышкиных наповал. Аглая рыдала черными слезами. Порфирий заметил, что у фургона собираются люди. «Что будет завтра? — подумал он. — Только на прошлом собрании коллектива выступал с речью о недопустимости бытовых правонарушений и пьянства на рабочем месте».

— Откройте нас, люди. Мы только в кино. Вот и билеты у нас... Позовите Промакашкина. Куда делся? — Но знакомые и очень знакомые люди уходили, пряча улыбки. Никто не поверит. Этот писклявый Пузырьков первым будет издеваться. И на местком могут вызвать. Доказывай, что ты в кино решил прокатиться. Квартальная премия прощай. О кино Пёрышкины и не думали.

— Приехали, соседи, — вежливо говорил Промакашкин, распахнув дверцу автомобиля. — У вас четыре минуты. Успеваете. Фильм отличный...

1968

ВЕСНА

(Почти по Чехову)

По улицам нахально разгуливала босоногая весна. Под её розовыми пятками исчезали сугробы. Поэтому, где она проходила, оставались лужи и ручьи, а с крыш текло, как из худого самовара. Люди шли неторопливо, хотя время обеденного перерыва давно растаяло. Они оживленно переговаривались, а некоторые даже удивлялись: «Весна. Откуда? Техника не готова, семена не протравлены... Откуда свалилась на наши головы?»

Иван Поликарпович плотно и, охотно пообедав, вышагивал к себе в контору, где последнее время руководил одним из главных отделов. Ему захотелось

петь, и он расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке. Весна! Разбрызгивая не чистую воду из луж, промчался легковой автомобиль. Шофёр в темных очках даже не повернул озабоченной головы, когда обрызгал и Пёрышкина.

— Безобразие! — вскричал начальственным баском, грозя вслед машине коротким розовым пальцем.

— Грязь — не сало, — попробовала утешить пострадавшего пожилая женщина.

— Эка невидаль. Пятнышко. Посмотрите, как купаются в луже воробьи. Будто у них начался купальный сезон, — весело улыбался детина в солнцезащитных очках, встряхивая длинными волосами.

— Какие вам воробьи! — горько восклицал Пышкин, — Я его, подлеца, отыщу, покажу, как скорость превышать и людей поливать грязью. Он у меня за всё заплатит. Жаль, вот номер не весь запомнил — замазана последняя цифра. Хам. Надо его водительского удостоверения лишить. Он должен был принять меры, чтобы грязь не достигала до одежды пешеходов.

Перед тем как войти в контору, Иван Поликарпович застегнул пуговку на рубашке, подтянул галстук на положенное место и оглядел брючину с высохшим невзрачным пятнышком. Громко топая, с обиженным лицом, ворвался в кабинет. Когда плюхнулся в кресло, Иван Поликарпович вытянул ногу и взглянул на брючину. «Мерзавец. — выдохнул, скрипя своими и металлическими зубами. — Никакого уважения к товарищам. Что творится в мире...». Он встал, прошелся по кабинету, наливаясь жуткой злобой и ненавистью ко всем, кто сегодня сидел за рулём автомобилей. Ворвавшись вихрем или смерчем в комнату, где за столами сидело пять сотрудников, умело делающих вид

кропотливой работы над документами. Жужжал арифмометр, музыкально вторили древние деревянные счёты.

— Где квартальный? Кто задержал сводку за квартал? Вижу, халтурите, — Пышкина трудно провести. Он знал, что в послеобеденное время никто не может работать в полную силу своих обязанностей и трудолюбия. У каждого сотрудника нашлись просчеты и недостатки. Особенно досталось чертёжнице Любочке — у неё вдруг выкатилось из стола крохотное круглое зеркальце. Это стало темой долгого и обвинительного разговора. Любочка заплакала, а Иван Поликарпович удалился. Лица сотрудников потускнели и озлобились. Гнев Пышкина угас, а пятнышко осталось. Он пригласил к себе Мямлина — не старого, но и далеко не молодого ветерана отдела, работавшего инженером-оператором по процессам совместимости материалов.

— Найди, дружок, мне мерзавца, который окатил меня с ног до шляпы грязью на проспекте. — Пёрышкин придвинул на край стола лоскуток бумаги, на котором нацарапаны цифры. — Автомобиль такой, — крутнул рукой Иван Поликарпович в воздухе над столом. — Полчаса назад спешу на работу...

— Мы этого не оставим. Найдём нарушителя. У меня племянник в ГАИ и еще кое-кто имеется в запасе в органах, — схватил лоскуток Мямлин, выскальзывая за дверь так быстро и аккуратно, как мог это делать один Мямлин.

До конца рабочего режима оставалось семь минут, когда в кабинет Пышкина вошел усталый и довольный Мямлин.

— Нашел! — крикнул он, словно Архимед, обнаружив точку опоры для своего рычага.

— Что нашел? — строго удивился Иван Поликарпович. Он забыл об инциденте за разгадыванием кроссворда.

— Ну, того шоферишку, что вас обмарал грязью.

— Молодец, чуткий вы товарищ, но благодарность тебе объявлю к празднику. А того хулигана мы в бараний рог. Штраф уплатит, — Пышкин показал, как нужно сворачивать в бараний рог хулиганов вместе с автомашинами.

— Я. Это Обзвонил всех...

— В Правилах нет такого пункта, чтобы пешеходов обливать холодной водой. Это хорошо, что ты посетил столько организаций. Нашел ведь. Премию тебе выпишу за находчивость. За чуткость и рвение...

— Машина эта...

— Ценный подарок тебе вручим за четкое выполнение рабочих обязанностей. Правильно сделал. Хулиганам не место в нашем обществе. Если каждый водитель, станет на прохожих брызгать колёсами, то тогда лучше и по улицам не ходить. Жить выходит нельзя, чтобы тебе не испортили одежду.

— Машина знаете...

— Что машина? Накажем мерзавца по все строгости закона. Он нарочно всё это подстроил. А чья машина не имеет никакого значения. Мы их в дугу. — Он показал, как нужно сгибать в дугу плохих людей и технику, на которой они портят людям настроение, и создают на дорогах аварийные ситуации.

— Машина принадлежит, Иван Поликарпович, — дальше Мямлин продолжал уже вкрадчивым шепотом, оглядываясь на дверь.

— Да? — испуганно удивился Пышкин. — Неужели? Вот оно что? А я смотрю, вроде номер знако-

мый. Другой бы шоферишко такого натворил, а этот... Хорошо, что его автомобиль, а то неизвестно чем мог кончиться этот день. Кого-нибудь запросто мог переехать. Иди, дружок. Молчи. Знакомый номерок. Я — сам. — Иван Поликарпович легонько потёр пятнышко, и оно исчезло. Он был даже рад, что пострадал от автомашины самого начальника треста.

Работники отдела выходили из кабинета подавленными и понурыми. Только Мямлин был весел и что-то даже насвистывал, перепрыгивая через две ступеньки. Он полдня сидел в клубе, играя в шахматы. Сегодня он смог выиграть у местного чемпиона-разрядника. Номера всех авто треста он знал наизусть, а автомобиль, номер которого написал Пышкин так и остался неизвестным.

ТАКАЯ РАБОТА

Скромной игрушкой на невидимой ёлке висела Луна. Порфирий Николаевич Пёрышкин возвращался с работы.

...На этот раз он решил окончательно. «Всё. Напишу заявление о переводе на другое место, в отдалённую мастерскую». Вспомнил, какую нелёгкую производственную задачу решил сегодня, и его повело в сторону, а Луна скользнула по тёмному полотну неба и закачалась, как маятник от часов в зале регистрации. «А если не отпустят, — мучительно подумал Пёрышкин, — Ведь три заявления отклонены. Незаменимых нет. Но так жить нельзя. Заведующий должен понять, что он устал, силы кончаются уже во второй половине дня, а работа требует напряжения умственных и физических сил. Клиента нельзя сердить. Он обидится и на-

пишет жалобу, тогда двадцать пять лет непорочной службы будут запятнаны. Клиент должен быть счастливым, потому что он всегда прав. Но как это сделать? Он не может работать, как раньше. Года дают о себе знать. Организм не тот. На моё место нужно молодого, а лучше девушку, и тоже энергичную».

— Порфирий, — в голосе начальника Пёрышкин уловил чугунные нотки, но решил держаться с достоинством. — Сидор Поликарпович, как же это вы, голубчик, а? Неужели, для вас честь коллектива пустой звук? Год кончается, а вы вдруг закапризничали. Ведь столько лет. Мы это ценили, Путёвки вам давали на лечение в лучшие санатории. Вы лечились?

— Лечился в санаториях, — сказал жалобно Пёрышкин, потирая платком мокренькую аккуратную лысинку.

— Мы вас премируем каждый квартал. Вас премировали в прошлом полугодии?

— Премировали, — эхом неглубокого горного оврага пролепетал Сидор Поликарпович.

— Вы премию получали? В ведомостях расписывались?

— Расписывался, — страдальческим голосом подтвердил человек по фамилии Пёрышкин

— Другие не висят на городской Доске почёта. А вы висите?

— Висю, — горестно пискнул Сидор Поликарпович, приготовившись к самому худшему.

— Пожалейте, — взмолился заведующий фотоателье. Из его открытых справедливых глаз выкатились две картечины-слезины и шлёпнули по стеклу, лежащему на крышке стола.

— У меня семья, — прошептал Пёрышкин, — у меня и дети есть. Обо мне соседи нехорошее стали говорить, и это на старости лет, когда до пенсии рукой подать одной.

— Вы меня убиваете. Вы меня режете! — закричал заведующий по фамилии Анфас, сползая с кресла. Минут пятнадцать из-за двери кабинета доносились всхлипы, вздохи и восклицания. — Кого же я поставлю вместо тебя, наш несравненный, наш уважаемейший друг? Енькина? У него язва желудка — производственная травма. Леткина? У него страшная аллергия. Никакими средствами не могут вылечить. В Данию к филиппинским врачам возили его и в Австралии у аборигенов лечился. Ага. Давай Казачка поставлю. У неё дитё грудное. Понимаешь? Меня не так поймут, и любой суд будет не на нашей стороне. Тогда скажи, кого поставить на твоё место? — застонал директор и неприлично всхлипнул.

— Незнаю я! Не моё это кадровое дело! Кого хотите. Я двадцать лет трудился. Двадцать лет крепился. Здоровье моё не железное. Оно кончилось. После пятой пары у меня в обоих глазах началось мелькание, а после десятой я уже не понимаю, кто я. Иногда кажется, что я очередной сочетающийся.

— Милый, а ты не принимай, — Анфас выразительно плюнул и, старательно обтерев галстук, продолжал: — Кто ж тебя заставляет, силком...

— Невозможно отказаться. Они все хорошенькие, все просят: «Не обижайте нас, такое событие не часто в жизни бывает, не выпьете за наше счастье, так не станем сниматься». Грозят написать жалобу в министерство по поводу черствого отношения к клиентам. Рад бы, но не могу не принимать. А в каждом фужере вме-

щаются 200 граммов. Вот и посчитайте. В отдельные дни приходится до 6 килограммов принимать. Видано ли такое. У меня рост маленький. У меня энурез случается... Как услышу марш Мендельсона, не к столу помянутого, так дрожание в ногах открывается. Увольте по собственному желанию. А доплата за вредность не нужна.

— Ты что это себе позволяешь? — в голосе заведующего послышались железобетонные нотки. Ты что себе думать вздумал коммунист Пёрышкин? Ты решил запятнать честное лицо коллектива?! Не дадим, — замотал заведующий перед лицом Порфирия Николаевича растопыренными пальцами.

— Меня жена называет пьяницей. Сын не слушается.

— Ерунда! — хлопнул по столу пухлой ладошкой Анфас, и сморщился. — Мы тебе справку. А? Напишем, что такая у тебя работа. Опасная для здоровья. Не забудь, напиши заявление на лечение. Мы должны заботиться о здоровье членов коллектива. Что ещё? Квартиру дадим. Другую. Ближе к работе. Будешь срывать выполнение плана, на местком пропесочим. По линии партийной проработаем. Если захочешь уволиться, так никуда тебя не примут в этом городе, в этой области, на этой Земле. Мы можем всё. Иди, снимай честные лица брачующихся. Дари людям радость. Вечную. Останавливай мгновения.

— Я — ничего, я не против радости. В этом году молодожёны много стали наливать, — сказал невесело Пёрышкин. Его левая щека дернулась.

— Благосостояние растёт трудящихся. Экономика заработала.

НЕРЕНТАБЕЛЬНОЕ СЕМЕЙСТВО

Аглая Сидоровна Пёрышкина работала экономистом. Работала два месяца, а раньше это место было занято, и она просто что-то считала в какой-то конторе. Как водится, у неё был муж и двое детей. Муж был не очень интересный, надо честно сказать. Она жила с ним, потому что другого у неё не было. Муж этот придёт с работы и все норовит к телевизору прилепиться с газеткой, будто лучшего места нет на земле. Мог бы с ребятишками в планетарий съездить или на выставку каких-нибудь четвероногих смотреть. На худой конец, мог бы и в пивбар с приятелем закатиться. Какой-то он не как другие. Пива не пьёт. Папиросы не курил и не курит. Ему сейчас и горя мало — не страдает из-за отсутствия папирос и сигарет. Но интересуется, что там, в мире делается, будто бы этот мир ему родней собственных детишек, которые не двоечники и не отличники. Младший — Шурик с друзьями не общается, кружки не посещает, а всё мультики по телевизору ищет, огорчается, если показывают иное что-то. Беллочка — старается куклам модное пошить. Отрежет в шифоньере отчего-нибудь клочок материи, быстро раскроит, сошьёт. Мама потом: «Ох, ох, пропала юбка!»

Однажды Аглая Сидоровна задумалась. Она всё время думала. На работе думала, во что ей детей одеть и обуть, что им на ужин приготовить, как самой быть в форме. Дома думала, как квартальный столкнуть, как данные перепутать так, чтоб никто не заметил, как начальству понравиться и премию получить за красивые глазки. Задумается она, и считает, считает. Нынче это модно. У кого были деньги, купили акции, ваучеры и

теперь считают, сколько получают денег, что смогут купить.

Аглая Сидоровна считала долго, часто пересчитывала. Пришла домой, не обходя, как обычно, встречные магазины. Муж шуршал газетными страницами. Шурик переключал программы, а Беллочка перед зеркалом показывала новые кукольные пеньюары из тюлевой занавески.

— Товарищи, — не раздеваясь, как на митинге, начала Пёрышкина, — я пришла к открытию и выводу, что наш папа нам экономически не выгоден. Он, дети, нерентабельный. То, что он зарабатывает, уходит полностью на него. Питание... одежда... подписка... стиральный порошок, а недавно потерял носовой платок. Если бы он хоть что-то приносил с работы, а то ведь учился без перспективы на будущее, вот и на его работе практически уже нечего взять.

— Я — очень даже рентабельный. Я свой костюм ношу семь или десять лет. Ты за это время столько колготок перевела, что ими можно по экватору всю землю околготить. А помада для чьих-то губ? За такую фигушку — пятнадцать рублей, а за импортную — пятьдесят.

— У нас мебель на работе... Цены на помаду я не устанавливала, но костюм тебе найти, так лучше инопланетянина в очереди за сахаром встретить. Я после работы начинаю вторую смену: стираю, глажу, варю, а могла бы заниматься самообразованием или музицировать на арфе. Я сама бигуди на себя накручиваю в час ночи, а это вредно. Нам выгодней получать с тебя алименты.

— Хорошо, — схватил счёты Пёрышкин. — Посчитаю и я.

Сидор Поликарпович не был экономистом, но арабские цифры знал, мог складывать, делить и даже умножать. В вузе не учился математическим расчётам, но школьную программу помнил. Память у него хорошая.

— Мне тоже выгодно вам платить алименты, дорогая жена. Тогда и мне что-то будет оставаться. Я смогу съездить в консерваторию, если возникнет желание. Стирать я смогу сам дома. Пачки порошка мне хватит на год. У меня тогда и на мороженое останется детям, если мы в парк пойдём.

— А на газировку? — спросил радостно Шурик.

— О чём речь, сынок, мы и в тире с тобой станем стрелять по призовым целям.

— Папа, тогда маме отдай эти самые алименты, а мне выпиши журнал, где есть выкройки и модели всякой одежды.

— Нет вопросов, дорогая моя. Я и себе выпишу что-нибудь практически нужное, а Саше большую телепрограмму. Мне хочется купить ему видеокассету с мультфильмами про зайца, волка и почтальона Печкина.

Аглая Сидоровна потёрла лоб. Задумалась очень глубоко.

— На ЭВМ считала последнего поколения. Ошибки нет. Мужчина в доме не выгоден. Будем жить по расчётам. Должна ж быть хоть какая-то прибыль. Как-то живём нерентабельно. Столько лет. Одни убытки.

— И от нас? — расстроено, спросил Шурик.

— Кто вазу расколотил в понедельник со шкафа? Кто мне парадное платье укоротил до талии?

— Я сама к бабушке уеду. Раз такая вам не выгодная. У бабушки очень длинные юбки, — Беллочка

поджала губки и ушла. За ней покинул место совета и Шурик. Аглая Сидоровна достала расчёты и стала просматривать. Она вдруг засомневалась в точности.

— Странно, — проговорила она, — С одной стороны — убытки, а с другой — вроде, как и не очень большие. Что-то машина путает. А ну, мыть руки. Я вам что-то вкусненькое принесла, нерентабельное семейство. Прибыль должна быть. Пусть условная.

ПОЛЕЗНАЯ ВЕЩЬ

Чудес на свете всё еще маловато. Даже если учесть всё человеческое поголовье матушки Земли. Мало добротных чудес. Если какое чудо и произойдёт, то с низким коэффициентом полезного действия. Скажите, кому нужны эти самолетающие непонятные объекты? Вам нужны? И нам с кумом Пёрышкиным они не требуются, а точнее сказать, до фонаря, того самого, который горит в полном одиночестве днём и ночью, если дадут электро. Не всё так и плохо, господа, товарищи и коллеги по реформам. Случаются и в нашей, так сказать, жизни, если процесс старения так можно назвать, вполне приличные явления. Они не связаны с Явлинским, хотя он мужчина хоть куда. Говорит много, гладко, но кому? Мне? Сидору Поликарповичу? Потому что мы его не понимаем, хотя и напрягаемся. Нет, нет, я не о политике, не о политиках, которые если что и обещают хорошего, так лишь себе. Наобещают вагон и маленькую тачку, а мы с кумом ухи развесим, как портянки по заплоту, дескать, зарплату дадут всем и во время, пенсию трудовому люду подымут, и цены в магазинах станут соразмерны.

... А этот паренёк, далеко не экстрасенс, и совсем не похож на депутата, а наоборот — песни любит петь для трудящихся масс и прочего населения, у которого со слухом порядок. Он один и допёр, что надо делать, чтобы народу стало хорошо жить. Поэтому я и кум решили написать ему открытое письмо. ...Что один может, когда кругом развал и подрыв, обман и прочие бескультурья? Это ж надо любить так свой родимый народ, чтоб не платить ему зарплату, не отдавать выстраданную пенсию. Это ж надо так глубоко заботиться о рабочем классе, чтоб получку ему выдавать галошами, ложками и другими резинотехническими изделиями. Я не смогу одеть своё любимое чадо в костюм из галош. А где-то считают, что это нормальное школьное обмундирование. Странно, почему-то школы никто еще не приватизировал. Все стараются влезать в цветные металлургические заводы. Но, а мы с кумом отгартали в это учреждение по мешку картошки, по ведру морковки и свёклы, чтоб кормить в школе наших чад. Нам выдали получку, подсолнечным маслом, мукой, а брательнику в Рубцовске в прошлом году выдали получку батареейкой. Он на каком — то заводе работает странном. Хотел эту батарейку выбросить, но потом сунул в свой «Запорожец». Двигатель давно пропал.

Ездит тихо, но быстро. Вчера за семечками приезжал. У нас, как уборка кончится, стали разрешать потери подбирать. Потери у нас хорошие. Кто-то трактор найдёт, кто-то кучу зерна в лесополосе. А соседка нашла комбайнера. Отмыла в бане, оттёрла песком. Он еще ничего. Стоит у неё в прихожей, как статуя.

Брательник норовит собрать все потери подсолнечника, а после на маслобойку отвозит. То ли жмыху

ему взамен дают, то ли масло семечковое. Нагрузили мы ему прицеп от КамАЗа. Какой ни есть, а родня, хотя и в городе страдает....

Об чем это я пишу? Об любви. ...Этот певец всех нас любит. Мы с кумом в ноги ему кланяемся. Он и не депутат вовсе, а простой певец. Благодарим его письменно и устно. Ему б Почетную грамоту выдать, чтоб пенсия была ветеранская с разными льготами, которые отменили заботливые экономисты. Боюсь, потеряется наше письмо. Как затерялись проценты по ваучерам.

Мы с кумом не страдаем. Мы эти вавчеры сразу продали, как купили у родименького правительства. Этих за пирамиды судили вроде как. Мавроди и его дружков. Но мы акции не покупали, а вот ваучеры всё ж купили, женам захотелось по две «Волги».

Не подумали, что им надо столько гаражей построить, а сколько понадобится бензину. Улиц у нас в нет проезжаемых легковыми легковушками. Повезли ваучеры в город и продали. Чувствовали, что родименько правительство надует, как и «Чара» и «Тибет». Может, кто и получил эти самые автомобили за свои ваучеры, но у нас в деревне таких счастливичков нет.

Купили мы на все деньги сахару. Уже и не помню. Или по семь мешков или по восемь. Но пили долго и трудно. Друг другу перестали узнавать. Кум сказал, что с бензином будет облом. Сменяли мы мешок сахара на кавалерийские седла. На конях будем пахать и сеять. Техника вся изнашивается, а на новую — не будет денег.

Так и вышло. Колхозы растащили по кирпичикам. А седло я своё на сапоги девчонкам отдал сапожнику.

Стремена к велику пристроил, чтобы ноги не выпадали с педалей, когда быстро едешь за пивом.

Отвлекся. Это кум Сидор Поликарпович второй стакан не может налить точно. Коробком спичечным взялся мерить. ...Вот кого надо в депутаты производить. Макаревича. ...Закусываем. Кормилец старается. Что-то очень вкусное готовит сегодня. На всю Россию варит и парит.

На другой телепрограмме говорят, что надо оружие покупать от населения. От мирного народа, у которого этого огнестрельного предмета большие запасы запасены. Какой бюджет надо? Тяжело выкупать обратно всё, что раздали, что растащили и побросали в военных городках. Вон родные братья по крови, будь они трижды богаты и сто раз незалежны, флот хотят поиметь, но чтобы Россия обувала, и кормила и деньгами снабжала на вооружение, а сами 160 миллионов долларов задолжали за углеродное сырьё. Возможно, кто-то найдет возможный вариант выкупа этого долга теми, кому должны. Выкупаем своё оружие! Почему и долги не выкупить? Это логично.

Одна отсоединившаяся «сестрёнка» задолжала, а сколько их, бывших, пожелавших самостоятельности, должны России? Получается так, дескать, мама мы взрослые, но ты не забывай нас кормить, одевать и обувать. О себе можешь не думать, ходи в старой фуфайке, но заботу проявляй. О нас, как прежде. Обидимся.

...Если нефть и газ не раздавать соседним бывшим родственникам, а нынче независимым государствам, то потонем в этих нефтепродуктах. Конечно, кум прав. Ничего я не понимаю в этой политике.

Один Макаревич любит нас. Каждую субботу мы с кумом садимся перед телевизором. Наливаем чего-либо жидкого. Конечно, в магазины давно не ходим. Травить собственные организмы за свои же деньги не хочется, честно сказать.

Кум опять налил. Макаревич успел из духовки мясо достать. Заботливый. Кормилец. Знает, что нужно народу. Как мы тебя ждём. В остальные дни приходится закусывать, чем попало. Луком, редисом. А кум навоострился кукишем занюхивать. Солидно у него это стало получаться. Он на ферме за животными ухаживает. Стараётся. Их, этих животных осталось двадцать три головы, а было, как бы ни сильно соврать, более пятисот, а копыт больше.

Нельзя ли, дорогой кормилец, выходить в эфир каждое утро. Вечером можешь готовить что попроще — борщ или лапшу с курятинкой. Не китайскую, — а нашенскую, крестьянскую. Пусть из черной муки.

— Ну, за тебя, кормилец. За операторов. Свет ты, в окошке. Телевизионном. Что ни говорите, а польза от телевизора ощутимая. Помаша, Макаревич — первый ведущий телепрограммы «СМАК», нам фирменной сковородкой, на которой можно жарить без жира, без продуктов. Наливай, кум, выпьем за чудесника, за певца телекухни. Дай Бог тебе, Андрюшка, здоровья, а мы решили тебя избрать в депутаты. Ты не стар, не глуп, всю страну кормишь и другие отдалённые регионы. Один!

ЗАГАДКИ ПРИРОДЫ

В больнице, понимаешь, веселья довольно мало. Это не то место, где можно жить и радоваться. Меня поймут все, кто хоть разик побывал ненароком в подобном заведении. Известные писатели много чего написали по этому поводу, ну про палаты, про дома. Больницы разные мне довелось посетить, а во всех одинаковый запах. Что в хирургии, что в венерологических палатах кожного или другого направления. Не подумайте чего такого. Посчастливилось мне на службе родине подцепить болезнь по фамилии её открывателя — Чесоткина. Как пацаны мне завидовали. Отдельные солдатики просили рассказать, где и как я смог заразиться этой несложной, но эффективной болезнью. Не буду рассказывать о том, как и чем меня вылечивали тогда, в старое время, но довелось мне походить на процедуры и похлепать больничной каши.

...Но бегут врачи из больниц, бежали и тогда, лишь бы забыть этот запах и прочие проблемы оздоровления граждан. Один врач, говорят, аж до самого Сахалина добежал. Побежишь. Зарплата мала, а ответственности, а риску — много. Настоящему врачу, как и сапёру, нельзя ошибаться.

Сколько их заразилось от нашего брата? Не счесть. Качество лекарств было отвратительным. Вот врач на себе всё проверял, чтобы больные не болели лишнего. Заразит себя каким-нибудь коклюшем или свинкой, а потом старается себя вылечить подсобными средствами, чтобы потом на своём примере другим приписывать эффективные препараты. Таким врачам нужно около каждой больницы памятники ставить.

Во врачи разные люди идут, поверь мне, больному со стажем. Мне говорили в одной больнице, что молодые врачи клятву дают и руку кладут на учебник анатомии. Заповеди у них строгие. Не помню все. Одна — «Не убий». В смысле, когда больной еще больной, то его до могилки не стоит доводить, а нужно всеми силами лечить, спасая. А еще одна заповедь: «Не укради». Понятно, что нельзя красть лекарства, передачи и внутренние органы у живых больных. «Не бери». Как не брать, если дают. Надо найти у человека болезнь, а поиск платежом красен.

...Допустим, женщине давали пособие на ребёнка. Ребёнки имеют свойства вырастать. Растёт и долг. Когда-никогда надо возвращать. А женщина не хочет, чтоб её долг отдавал ребёнок. А с больного, какой спрос. Но на комиссии, оказывается, что все дети сильно здоровы и годны, отдавать долг. Когда врач полгода без «бабок», то... сам похлебаёт больничной балан..., ну, супчику похлебаёт, а его молодая жена с ребёнком... Легко говорить, дескать, возлюби больного, как самого себя. А как это делать. Никто не сказал. Моисей с больными, сколько годов по пустыням гулял? Следил за диетой. Но втихушку ели, что под руку или под ногу попадётся. Нарушали диету. Не похудели.

К примеру, скажу вам, случай один был у нас в больнице почти диетический. Привезли особу. Головные боли, высочайшее давление крови в сосудах. Полный набор. Я — не профессор, но кое-что знаю. Мой диагноз — переедание. Бывает так, что человек много курсов не очень хорошо и не регулярно питал организм здоровой пищей. Работал на многих работах. Набегу, все свои надобности справлял. В спешке кушал, ухватив с прилавка что-нибудь из пищевых продуктов. В

спешке жил, знакомился, женился и разводился. А теперь вот и перестроились. На полках колбасы поленьями, вина — банками и пакетами, масло и сахар без талонов и паевых книжек. Было такое время, когда сельского человека облагали налогом, чтоб он масло сдавал, хотя у него коровы, отродясь, близко не стояло. Он коровьего мычания боялся, как папуас телевизора. Человек масло сливочное покупал и сдавал в счёт налога. Денег не платили, но трудодни выработывали у нас в деревне. Легче усмотреть НЛО, чем колбаску в свободной продаже. ...На работе у нас стали давать талоны на сахар, на масло, на мыло, на портянки. Приходишь в магазин за маслом, а его нет. Талоны есть, а масло на чьем-то куске лежит под икряным гнётом. Вот какие были загадочные явления природы торговли.

Сегодня о народе не думают ничем. Пришло время свободного кушанья. Государство не заботится о здоровых гражданах, не объявляет всеобщий день рыбного питания. Кушай на весь диапазон. Кушаем, кушаем, как с цепи сорвались. При такой рекламе трезвому жить неприлично. Одно пиво попробовал, за вторым сходил, третье там, у магазина влил в себя. На прилавках красная селёдка так и просится породниться с пивком.

Помнится целинный год. Взялись распахивать пустыри. Посеяли. Урожай разломал закрома. Погноили половину. Некуда ссыпать пшеницу. Не ожидали такого зернопотопа. Не подумали о новых закромах. Вот, как огрузились богатством молодых рук осваивателей целины. Разбогатели. Потом долго закапывали подопревшие тысячи пудов.

Но дело, друг мой, не в этом, а в том, как однажды пошли вагон разгрузить с пришедшим в адрес нашей

торгующей организации продуктом, который прислали с очень дальнего Востока. Вагон состоял из солёной красной рыбы.

Разгружаем. Кушать бригадир запретил предмет погрузки, а взял откуда-то веревочку и привязал рыбинку за хвост. Неподалёку протекал ручеек. Конец веревочки бригадир привязал к деревянной ветки и воткнул в берег.

Рыбина не ожила. Лежала в сырости. А тут берегом бежала собачка, учуяла деликатес. Не глупая оказалась псина. Стала вытягивать бечеву посредством зубов и лап, пятась своим лохматым телом от воды. Мы стали в собаку кидать рыбой, пытаюсь отогнать. На совесть её солили, не жалея ни соли, ни рыбы, ни тех, кто захочет эту соль с рыбой кушать.

Наш бригадир, далёкий правнук француза по фамилии Сад, как выяснилось потом, не дал нам отогнать собаку, которая принялась уже кушать размякшую рыбину. Собачка кушала, как настоящий крокодил. Быстро и без остановок на облизывание. Доела до бечевки, похрустела хрящиками. Нам это видно и слышно, хотя мы и вроде как работаем. И захотела псинка водички попить. Выпила бы немного — стакан или два, и пошла бы по своим неотложным делам или вздремнуть к себе в конуру, но она пьёт и пьёт. Округлились бока. Разгрузку мы прекратили. Смотрим. Собака забрела в ручей и продолжает потреблять воду. Потом вышла на берег. Оглянулась на ручей и стала лаять. Наш Садист хохочет. Говорит, дескать, никто её не заставлял кушать столько рыбы и выхалкать половину ручья.

Это могло бы и с нами приключиться. Сам виноват, а ищешь на кого бы свалить свою неводержанность. Так и с той тётей, у которой желудок стал голо-

вой управлять. Лечите, врачи моё давление, мои суставы, которые не выдерживают тяжести моего жира, а там вот и сердце стало плохо биться под слоем сала. Тяжко ему. Как тётке объяснить, что нет таблеток от обжорства. Вот если бы за похудение доплачивали на работе, то у нас снизилось количество сердечников наполовину, не станем говорить о суставных болячках, диабете и прочих нездоровых болезнях.

Дума должна подумать над вопросом быстрого ожирения граждан, так как посты они не желают соблюдать, а всё норовят послаще и побольше урвать продуктов на обед и ужин. Но думе некогда. Слышал, как говорили в телевизоре о том, что поднимают вопрос об увеличении нашего привычного алфавита на несколько десятков знаков. А посему и количество лет отсидки в школьных залах тоже будет больше. Вы думаете, что это они от нечего делать такие вопросы ставят на ребро? Ошибаетесь. Возможно, наука доказала, что длина алфавита должна повлиять на деторождаемость в городах и сёлах. Нам об этом не сказали. Посчитали пустяком. Неспроста алфавит станут удлинять. В Китае, сколько знаков в печатных машинках и компьютерах? А сколько народа? Связь улавливаете? Тот и оно, дорогая моя читательница. Читайте китайский алфавит, и обязательно, если желаете, у вас будет увеличиваться семья. Но думаю, что этот вопрос далеко не пойдёт. Не верите. Прикиньте. Когда удлинят во всех школах алфавит, когда писать станем очень длинные слова, так по улицам станут ходить сплошь все обремененные фигуры, а может, и мужские — к тому времени, коли платить станут за этот процесс, как следует.

А кто станет работать? Мужикам экономику не поднять, на прежнее место не положить! Мужик он только на войне героем бывает. И то не каждый. В семейной и трудовой жизни всегда была главной женская особь. Женщины и умней. Они знают, в какие колготки лучше ноги совать, какой помадой губы изгубастить, в какую шубу тело упаковать, чтоб оно не пострадало от низкой квартирной температуры. ...Некоторые точно знают, что им варить на ужин, если мужчина начинает ныть, что давно съел, остатки свадебного банкета. Женщина не ноет. Она случайно заходит после работы с подругой куда-то и случайно чего-то кушает, не запоминая, что это цыплёнок или шашлык. Эти глупости она сразу и забывает. Но она помнит, что вода может долго вариться в кастрюльке и даже превратиться в борщ. Но длинный алфавит может нам повредить. Английский — короче, но мы его не помним, хотя и учим в школе, в институтах, а теперь по телевизору стали обучаться. Хотя язык и трудноват. Внук Серёжа, как-то увидев обклевавшегося цыплёнка, сказал: «энд ему пришел». Я удивился. Стал допытываться. Он пояснил, что когда мультик кончится это слово пишут, дескать, всё, ничего не ждите, конец наступил, как и цыплаку.

Импортный язык завезли вместе с другими отходами зарубежного производства. Кушаем всё, что и продуктами питания человека трудно назвать. Водка, табак, уксус, мороженое, напитки разноцветные — вред приносят натуральный, но кормим детей конфетами, копчеными колбасами, завёзёнными столетними окорочками, которые не успели перемолоть на костную муку, отправили к нам, предварительно, сделав им инъекции водичкой из водопровода. Новосибирская

лаборатория печатала свои исследования в области импортного потребления окорочков. Кушаем. Подумаешь, какие-то в них стимуляторы куриного роста. И мы станем расти и покрываться перьями.

Окорочка не вредней воды, которую пьем всей деревней. Детей поим, но в радиаторы тракторов и автомобилей заливаем дистиллированную или снеговую водицу. Платим за эту водичку, не требуя ни сертификата, ни состава её. Заключая как-то договор на доставку этой воды в квартиру, вычеркнул слово «питьевая».

Говорю, Алексей Иванович, любой пожелавший срубить денжат с коммунальной службы потянет вас в суд за это слово и выиграет дело. Алексей Иванович – инженер водоснабжения района или города. Какая же это питьевая вода, если вы сами знаете, что её нужно еще и хлорировать, фторировать, отстаивать и всячески очистить, чтоб потом назвать воду «питьевой». Согласился мой знакомый Алексей Иванович. Хотя не работает, но в договорах нет слова — «питьевая», а написано: «вода». Отдельные граждане требуют публиковать состав воды. От того, что узнаем чего больше в нашей воде нитратов или фосфатов, вода слаще и дешевле не станет. Будут горожане и селяне пить, маяться внутренними органами, забитыми песком и другими стройматериалами. Жёсткая вода делает сосуды ломкими. Со временем они каменеют, а это сокращает срок действия человеческого организма. Об этом кто-то хочет думать? Кто-то хочет, чтобы народонаселение не болело? Спасение утопающих...

Есть остроумы, которые берегут здоровье своё и детей. Решил и Пёрышкин купить фильтр для водицы. Но какой. Их оказалось море. Пёрышкин не может выбрать, так как не знает состава своей родной воды, за

которую платит ежемесячно. Подсчёт идёт с головы. Хотя дети у Пёрышкиных пьют в школе. Пьют и в детском садике. Сам он и жена его пьют воду на работе.

Пёрышкин возьмёт бутылку, выпьет с соседом, со мной, а потом читаем состав напитка, из какого продукта произведён, кто расфасовал, сколько хотели чего добавить и какова крепость. С водой мрак. Бабулька торгует молочком. Чем-то белым жидкого состояния. С неё требуют справку о коровьем здоровье, сертификат, в котором должно написано какова жирность, сколько добавлено воды. А с тем, что по трубам течёт — сплошной мрак.

Пёрышкин воду не пьёт. Поэтому не знает, как в больнице двери скрипят, в какую сторону надо регистратуру искать. А вот дочь страдает. Обнаружили в почках инородные материалы. Пока отец долго хотел купить фильтр, дочь начала маяться внутренними органами, фильтрующими жидкость в организме. Жена говорит, что нужно давно уехать в другой город, где за водой следят специальные люди, оберегая граждан от посещения больниц. Пёрышкин обещает уехать, так и говорит, уплыву от вас, только вот лодку дострою.

А куда он уплывёт? Он же не Конюхов, который по океанам колбасится, всякие мировые рекорды устанавливает. Полагаю, что Конюхов не живёт дома, чтобы не копать огород и не топить печку. Куда он уплывёт? В океанах не то прилично воды нет, но пива не найдешь. А Нептун, он же Посейдон самогонкой не встречает. А Пёрышкин очень любит закусывать капусткой. Пусть даже от Посейдона.

Пёрышкина её квасит с укропчиком и морковкой, а чтоб капуста хрустела, добавляет кусок хрена огородного. Поэтому и почки у Сидора в порядке. О чем

это я. О капусте. Наука могла бы всем рекомендовать кушать капустку и петрушку от камней в органах, но врачи не всем говорят о пользе растительной пищи. Предлагают отрезать малопригодные органы. Забились почки, обрезание. Желчный пузырь забарахлил — удалим.

Механик по автомобилям почему-то не удаляет ни фильтры, ни отстойники, а меняет, промывает, вытряхивает, выдувает всё инородное, ненужное, мешающее двигателю нормально работать.

Народная медицина предлагает листья березовые, почки и прочие травы заваривать, настаивать и пить регулярно, избегая плохой воды, плохих продуктов, занимаясь трудом на свежем воздухе.

...Так вот, эта особа в особо крупных размерах, при мне это было сказано, что ничего кроме капустки не кушает. Диета у неё такая — заячья. Много месяцев сидит на ней с мыслью о похудении. Она давно перестала в капусту масло добавлять, а соль только на картинке видела в магазине.

...Вес отчего-то не уходит. Это не загадка природы? Может, этой тетё дышать пореже. Йоги вообще годами не дышат. Она воздуху много потребляет? Поэтому и полнота лишняя.

В соседней палате мужичок лежит с грыжей от непосильной работы. Он бухгалтер. А что-то тяжелое поднимал. Из себя дохляк. Это грубо. Скучный товарищ по вопросу телосложения. Кожа и косточки, не считая пижамы и тапок.

Притартает ему женщина литровую банку пельмешков домодельных, пирожков и ватрушек, а к ним литровку сметаны. И всё это дохляк потихоньку и полегоньку подметёт, не предложив никому ломаного

пирожка. После больничного ужина этот худосочный дядечка садится за тумбочку и принимается за курицу, обжаренную с чесноком. На все палаты запах. Последнее крылышко обгложет, ко сну отойдёт. Он хочет немного потолстеть. Думаете, полнеет? Нет. По его фигуре хорошо скелет рисовать в художественном училище. Разве это не еще одна загадка нашей жизни.

ВЛИЯНИЕ ЗВЁЗД

Бежит время, друзья, очень быстро бежит. Круглый циферблат, поделённый на равные кусочки, сноровисто обегает секундная палочка, крохотный жезлик, управляющий нашей жизнью. Ученые товарищи говорят, что жизнь измеряется событиями, расходом нервов, которые не восполняются, к сожалению, друзья мои. Не буду говорить о том, что события, происходящие на солнце, влияют на нас и даже руководят нами нашими поступками.

Товарищ Пёрышкин ничего не знал обо всем этом, хотя и жил недалеко от Индии, в пяти шагах. Он утром имел привычку просыпаться, днем работал, а ночью старался спать, хотя в последнее время толи телевизор долго смотрел, то ли еще почему, но вдруг сон покинул его. Сидор Поликарпович не очень стар, но и вовсе не пацан какой, а вполне зрелый член общества, работающий инженером – лаборантом в фотоателье. Ляжет спать; как обычно, чего-нибудь прочитает в книге, как только рот начинает раздирать зевота, тотчас книжку на полочку, свет аннулирует и... Лежит. Под утро к нему Морфей заскочит на часок, а там уж пора идти на рабочее место.

Нет, друзья мои, Кашпировский не помог. Он его передачи на видик записал и часто слушал. Водичку Чумака пил. Литров сто у него было Запасливый мужчина. А потом что-то с водой случилось: стала запах издавать лекарственный. Жена Пёрышкина испугалась за мужа, вылила воду, хотела свежей налить, но не успела, дети увидели эту акцию, неправильно восприняли, хотели сделать отцу сообщение, но Аглая Сидоровна собрала банки, начала в них огурцы толкать, листья хрена и ветки укропа.

Пришлось Пёрышкину ехать в клинику. Или после посещения врачей или после посещения столовой здоровье покатило по наклонной плоскости. Сами знаете, как с врачами связываться. Придешь с температурой, а уйдешь, если не положат, с целым букетом болезней, о которых и знать не знал и слыхом не слыхивал. Хорошо, что спидометр в клинику не завезли, а то бы половина граждан СПИДом болело.

События на солнце тесно увязаны с нашими делами и даже бездеятельностью. На солнце многое научились списывать, подводя научные базы собственного головотяпства. Бежит стрелочка, течет песочек. Пёрышкин не был в нервных санаториях, но пришлось ехать, потому что болезнь нервов не давала ему жить и работать на полный диапазон возможностей. А с болезнью, какой ты инженер? Не инженер ты вовсе, а приложение к диплому.

Конечно, он боялся ехать за тридевять земель, боялся выглядеть деревенской фуфайкой. В старое время ездил без страхов, а вот забоялся. Но делать нечего. Путёвка. Анализы. Билет.

Пёрышкин хотя и был человек маленький, но имел о себе высокое представление и солидный запас често-

любия. Об этом никто не знал и не мог догадываться, ведь он не кричал о своих чертах характера на каждом нерегулируемом перекрестке. О таких у нас говорят, что не лыком шит. Хотя это самое лыко никто не видал в глаза.

С чувством высокой ответственности Пёрышкин старался не ударить в грязь лицом, и держать марку интеллигента. Как добирался до пункта назначения, напишу отдельно. ...Какая шляпа? Что вы говорите. Дело не в шляпе. Когда он встретился с представителем санатория, то потребовал к себе уважения, предлагая заменить наволочку на подушке. На самом виду было расположено пятно средних размеров и светло ржавого цвета. Будто бы на подушку положили младенца без пеленки, а он оставил автограф. Аналогичная история случилась с персонажами киноленты «Печки-лавочки». Полагаю, та наволочка так и осталась, как реликвия.

Может быть, в какое-то время Сидор перевернул подушку и, мысленно выматерившись, для порядка, чтоб не огорчаться по поводу неуважения к гражданам. Но солнечная активность и расстановка звёзд на нас влияют, то, конечно, надо требовать к себе хорошего отношения и не только в малом, в деталях, так сказать.

Перед тем, как идти на процедуры, Сидор Поликарпович проконсультировался у соседа по комнате, который несколько раз в последние годы бывал в санаториях такого класса. Всё узнал, всё запомнил — кому и сколько класть в карман халата, что можно требовать, а что и не стоит. Он, конечно, имел, представление о том, как надо себя вести в санатории, но это было тогда. Очень давно. Времени прошло много.

Когда по турпутёвке он с товарищами из разных предприятий ездил, то ему и другим прямо сказали, что нужно знать о лидерах рабочего движения в странах капитала. Он выучил наизусть книги известного автора о целине, о возрождении и о малой какой-то земле. Благо, книги были не очень толстые, а память у Пёрышкина не страдала, как душа. Он во всём сразу разобрался, когда из ванны выходить, когда очередь можно потерять. Инженер ведь.

Но светилам было угодно сыграть с нашим героем шутку. Считаю, они во всём и виноваты. Случилось вот что: Сидор разделся, попробовав воду, как его наблюдательные глаза отметили на столике пакет кефира и свёрток. О кефире сосед не сказал. Пёрышкин знал трактат Ильи Ильича Мечникова, лауреата Нобелевской премии о пользе кисломолочных продуктов, но о колготках, оказавшихся на столе, ничего учёный не писал. Колебания длились несколько секунд. Пёрышкин легко и быстро выпил чудодейственный кефир, почти всё содержимое вошло в него. А с колготками пришлось повозиться. Он только плохо спал, а сила у него была в руках нормальная.

Лежит Сидор Поликарпович в ванне с водичкой, как листок фотобумаги. Здоровье его проявляется медленно. Внутри целебный кефир, а снаружи — волшебные колготки. Лежит и интенсивно лечится. Тут заглянула тётка в халате. Поглядела на столик, на диванчик, сквасила пожилое лицо и развела руками. Пёрышкин её вроде не видит. Чего её видеть. В карман, что надо кинул, вспомнив, как играл в детстве в запрещенную игру, называемую пацанами «чикой». «А если не кидать, то воду наливают ледяную», — пояснил сосед по палате.

Спал Пёрышкин без остановок и перерывов. Мог бы и дома так полечить свой организм, — подумал утром. Когда пришел на процедуру, то не нашел на столике ни колготок, ни кефира.

Помок в воде с пузырьками. Недовольно покачал головой сам себе в зеркало, и пошел к главврачу. Врач встретил радушно. Выслушал. Попросил вновь рассказать о событиях ушедшего дня. «Спал я отлично сегодня. А почему? Потому что выпил кефир и принял ванну с колготками. Если вы хотите экономить на здоровье или у вас перебои в снабжении, так и скажите, колготки и кефир стану покупать самостоятельно в ближайшем магазине... Сетчатые колготки. Немного маловаты, но я справился с задачей и пролечился, как и положено. Завтра принесу свой кефир и выпью перед ванной, а вот колготки придется искать в городе. Могли в путёвке указать, что у вас, как и везде, перебои, я бы захватил свои. На Алтае у нас хоть они и в дефиците, но для здоровья подключил друзей и родных...».

Мог бы доктор, и рассмеяться, уронив достоинство человека, который приехал лечиться. Понаблюдав больного, врач стал приписывать нервным гражданам сетчатые колготки и кефир. Пёрышкин и другие больные нервами излечивались от недугов скоропостижно и без рецидивов. Что же это такое за целительное направление? Ничего тут волшебного нет.

Влияние звёзд, дорогие мои, читатели. А что Сидор? Как начинается бессонница, так идёт в баню, выпивает припасённый кефир, натягивает старые колготки и парится. Куда ехать? Зачем? Дома столько дел. А лечиться можно, где угодно и чем угодно. Главное — поверить, что тебе это поможет. ...Доктор? Доктор защитил докторскую. Лечит любые болезни колготками

с кефиром. У Мечникова и этого доктора конкурентка появилась. Так и говорит, что её кефирная диета ужас, как полезна. Влияние звёзд. Куда денёшься.

М. Ж.

Мишель Травкин редко куда выезжал из своего села. Не любил перемещаться по просторам своей необъятной родины, а может быть, ему по дому хватало забот, а точнее, по двору. Вызвали его как-то в правление колхоза, который стал почему-то «АО» называться, приказали спешно собираться в лечебное учреждение. Мишель отродясь ничем не болел, но путёвку дали. Какая-то организация рассчиталась с колхозом за продукты путёвками, а может, кто срочно выздоровел и не захотел ехать в санаторий. Мишелю болеть не приходилось, а он мог только коров пасти, собственно говоря, да и дома животными увлекался. Председатель профсоюзного комитета строго сказала:

— Мишель Яковлевич Травкин, это тебе не повредит, здоровье у тебя завидное, на троих хватит, проживёшь там немного, ничего с тобой не сделается, а если шибко станут лечить, езжай взад.

— Если не повредит, — задумался Мишель. Его с детства так звали. Даже в паспорте он был записан Мишелем. Ничего странного нет. Привыкли. Быка одного звали — Том. «А чего не поехать. Бесплатно. И отпуск дают. А то ведь десять лет не был. Пока ходишь, пять пар галош стопчешь, выпрашивая законом причитаемое. — Не повредит, тогда ладно. Пиши. Отдохну немного. Раз после этого санатория не нарушается здоровье, поеду. Что мне страшно?

На вокзале народ чужой, озабоченный. Травкин сразу в две кассы очереди занял, но билет не сразу купил. Билета нужного не было. Жена сказала, чтобы покупал спальное место, но были только купе, общие и плацкартные. Мишель стал ждать другой поезд. Ехать далеко, до Новосибирска, а в купе — какой, поди, сон. Не давали спальных мест. А в общем вагоне ездил. Духота, Дети пищат, народ пивом наполняется. Запахи. «Знаем ваши хитрости, — подумал Травкин, ныряя в другую очередь. Кассир его заметила. Хотя молодая, но заботливая. Он видный мужчина — новая шляпа с черной лентой, дождевик серый, выцветший на работе. Утром дождь поливал, как из дырявой бочки. Дала ему билет. Нашла. А говорила, что только плацкартные. На этом плацу, небось, надо стоймя стоять. Она сказала, что надо ехать с удобствами, коли далеко, а не как попало. Правильно. Как попало он и на телеге ездит с летнего дойного лагеря или с фермы, когда зима, то на санях.

Пристроился Мишель на ступеньках перрона. Удобно. Чемодан рядом. Можно посидеть, а сумка с продуктами — у ноги. Никто не стибрит. Хорошо. Только припахивало необычно — железнодорожно. Не как на ферме, но терпимо. Он по радио слышал, что в городе окружающая среда загрязнена, но не до такой степени. Вредно жить в городах, подумал Травкин. Тут и поезд подрулил к бетонным приступкам — не дальше и не ближе. Номер вагона совпал с его билетным написанием. Он втиснулся в чуланчик с двухъярусными полками и небольшим столиком. Закрыв дверь и увидел мужчину, который был в его костюме и с его же медалью участника выставки ВСХВ. На выставку не поехал медаль выслали, как премию. Не скучно бу-

дет, подумал Мишель, но тут понял, что это зеркало, рассмеялся. Посмотрел в окно и увидел зданьице старинной архитектуры с буквами «М» и «Ж». Но тут дверка сгыркнула и в чуланчик стали просачиваться тётки с огромными сундуками и множеством сумок. Травкину подумалось, что у теток не меньше, чем по восемь рук, даже молоденькая гражданка лет тридцати или чуть больше — из-за краски на лице не разобрать — и та была обвешена авоськами, как новогодняя елка игрушками. Пока Травкин расталкивал узлы и чемоданы по местам, поезд оторвался от вокзала и понесся во всю прыть в Новосибирск.

Днем было как-то ничего. Ходили парни с голыми фотками, снятыми в женской бане или в больнице на медосмотре. Таскали в железных корзинках твиксы и баунти, а к вечеру заскучал Травкин. Бабы, то есть женщины, и не думали выходить, а даже наоборот — долго и упорно ели, угощая друг друга селедкой, вареными яйцами, домашними пирогами, угощали они и Мишеля, но Травкин не привык кушать в вагоне, а тем более, в узком чулане, с чужими тетками.

Он привык обедать один, но вообще-то не один: коровы ели сами, а он с Рексом сами по себе. Были бы знакомые или родственники, а то ведь совсем чужие бабы. Накушавшись, начали раскатывать пыльные матрацы, развешивать мокрые простыни. Одна, такая заносчивая, долго фыркала, глядя на Травкина, принесшего постели: «Должны ж заправлять, а вишь ты толкись тут». «Простыни, думаете, свежие? Они их специально мочат, будто б стиранные, — растопырила краснокогие пальцы молодая. — Я всегда с собой вожу простыню — мало ли чего.....» Третья такая молчунья,

съевшая пять яиц и семь пирогов, поглядела на Травкина, и занудливо протянула:

— А вы не выйдете?

— Мне еще рано выходить, — сказал почти равнодушно Травкин, — Мне только завтра утром выходить.

— В коридор выйдите, — сказала вторая, — нам нужно переодеться. Таким тоном сказала, будто корова у неё потерялась.

— Мне на вас и смотреть не хочется, я давно в окно смотрю на разные деревья и поля, — надулся Травкин, но поднялся и вышел. Вышел, встал к окну и ногу на приступочку пристроил — удобно. Не успел поезд и три телеграфных столба пробежать, как откуда-то вывернулась проводница в черной форменной юбке и очень тесной кофте. По причине этой самой уродливой, тесноты, одной пуговки — верхней — не было, а третья — расстегнулась, но этого непорядка проводница видеть не могла. Пуговка внизу находилась. За карнизом.

— Пассажир, ноги-то не расставляйте, куда не просят, Можно как-то культурно ехать.

— Вот и стою культурно, а там, — мотнул головой, — женщины. Три.

— Никто на вашу полку не ляжет. Согласно билетов. Я проверяла.

— Им не очень радостно при мне поворачиваться, а мне придется мимо ходить в исподнем белье.

— Вон ты какой, — сказала проводница, ухмыляясь бровями, — странный пассажир... Сколь ежжу, а ты первый ноешь. Им тоже не шибко... Что тут поделаешь. Билеты продают без учета пола. У нас на такие

мелочи внимания никто не обращает. Лишь бы ехать. Привередливый. Никто не брындел столько лет...

— А я и не брындю. Чего мне брындеть? Приеду на свою остановку, выйду. Ты взяла бы и написала на дверках «м» и «ж».

— Ну, ты даешь. Написала. Ха-ха-ха. Никто не беспокоится, а он против всего железнодорожного транспорта. Дали тебе полку, не высадили — радуйся.

— Радуюсь. Полки не заправлены, чай какой-то с лохмотами.

— Служанка я тебе что ли? Ему женщины не нравятся, — начала вскрикивать проводница, пытаюсь разыграть скандал. — Что из того, что не на конкурс красоты едут? Простынку ему не заправили.

— Дело не в этом, я и сам не похожу на Киркорова. Женщинам не вольготно при мне спать...

— Иди, пассажир, выпил, так спи. У нас в вагонах никто не может вольготно ехать. Это все давно знают, и не претендуют. За себя волнуйся, алкаш.

— А ты меня... — обиделся Травкин, но вдруг соседняя дверка загыркала, вышла молодая, но уже в штанах приятная особа, да как наехала на труженицу транспорта.

— Как вы смеете, мужчина в санаторий едет, о нас проявляет такт и заботу! Вы должны прислушаться, что вам говорит заслуженный ветеран и герой труда, а не совать людей куда попало! В гостиницу вас же не номеруют с мужчинами, хотя койки там куда как дальше стоят. Прошлый раз я ехала, так один парёнок с больших спросонок по ошибке полез к бабушке под простыню. Так она потом тихо у столика до самой Тюмени сидела и грустно улыбалась, выражая испуг и недоумение. ...Не перебивайте меня словами громкими.

По вашему закону вы обязаны заправить чистыми постельными принадлежностями в сухом виде, а не мочить старые простыни, выдавая их за постиранные, оправдываясь, что сушилка не успевает засушивать комплекты. В прошлогодний раз своими глазами видела, как попутчик вынул из наволочки объёмистый бумажник на имя Антон Семёнович Макаренко с после-революционной купюрой и документами образца сороковых годов. Многие страны имеют в поездах купе по разделению полов на две, а то и три части, а желающие могу брать билеты вместе с попутчиком. Вот как заботу проявляют в соседних странах, в которых капитализм загнивает на собственных корнях.

— В наших поездах, как и в автобусах, нет заботы о женщинах, — вышла из дальнего чуланчика женщина в очках, с книгой и с покрашенными губами на лице продолговатого вида. — А с ребёнками ехать — мука сплошная. Ни пелёнки постирать, ни кашку сварить в ресторанной кухне. Везде чётко говорят, что нельзя. Трудность и сплошная антисанитария. Вот смотрите, — провела женщина по планке над окном пальцем с длинным ногтем фиолетового цвета.

— Вы палец свой три недели не обмывали ничем, — вяло расхохоталась вагонработница. — Губы покрасила, а пальцы не помыла. Что это вы мне тут трёте по полкам. Вы бы ещё и крышу погладили...

— Вчера из Бийска ехали, так по воду ходили в последний вагон.

— Не заблудились, — не очень ласково сказала проводница.

— Люди мхом покрываются, когда едут из Владивостока. Плесневеют. — При царском времени в вагонах на два купе был душ, и туалет никто не запирали.

— Вы и это помните? Тогда ясно. Подрывную ра...

Тут подбежала женщина в просторном кителе и зло, дергая худыми бёдрами и сумкой для билетов, затараторила:

— Я санкцию на митинг не давала! Ложитесь. По своим полкам, буду опять билеты собирать. Не заправляем, потому что не успеваем, Полок много, а нас двое на два вагона. Мужчины с водкой, уберите посуду в угольный шкаф, а то позову сопровождающего. Это ты тут брындешь? Тебе наши пассажирские женщины не ндравятся? — женщина вытаращила круглые глаза цвета желтого светофора. Женщин скоко? Правильно. Три. На вашу полку никто не заскочит.

— Им же при мне неудобно. И я не привычен при чужих тётях штанцы снимать.

— Ну, надо какой застенчивый. Сколько лет езжу, а такого не слышала, — проводница оттопырила губу и тощенький животик. — С двадцатого года так вот и возим вашего брата. У нас билеты продают без учета возраста и пола, а также вредных привычек граждан. Женщины ему не ндравятся.

— Я и сам не шибко на Киркорова пошибаю. Им же не вольготно...

— Митинг открыл. Алкаш. Только сел и успел приложиться. Быстрый.

— Дедушка правильно сказал, — снова вышла молоденькая, но уже переодевшаяся худенькая девочка в голубеньком коротком халатике и на босу ногу. — Какой он вам алкаш, тётя? Он одно яичко только и скушал.

— Делать мне тут нечего, как вас тут растасовывать по загородкам.

— А вы, гражданка, не хамите пассажирам, — словно гриб выросла статная женщина с черной блестящей папкой. Это единственный мужчина, который при мне поимел заботу о нас, о женщинах. Как депутат, я выражаю ему, как вас, товарищ? благодарность и выступлю на заседании, чтобы вопрос в транспорте решился, наконец. В автобусах дальнего следования до сих пор нет туалетов, нет в поездах душевых кабин.

— Молчали бы. У вас, милая, свои кассы, свои залы отдыха. Слуги народа. Это мы ваши слуги, — яростно заговорила пожилая женщина с книгой в руке. — Депутат она. Избрали. А ты бы в очереди постояла пару дней.

Проводница пошла, вздрагивая тощими бёдрами, по коридору, ворча: «Ездют, ездют. Сидели бы на табуретках дома, а не мешали работу работать». Возвратилась быстро. Её бледное личико освещалась торжественно-злорадным светом.

— Единственный мужчина, собирай манатки. Определю тебя.

В последнем купе было накурено, но запах табака не перебивал «аромат» туалета. Трое в майках приветливо замахали, расплёскивая содержимое стаканов. Травкин попятился. Проводница зачехлёнными флажками, как стволами тыкала в поясницу.

Утром у Мишеля болела голова и нудно ныло под рёбрами в правом боку. «С этими санаториями только здоровье терять, — подумал он. — Работал без отпуска десять лет, пас бы и дальше». Травкин понял, что отдыхать нужно на работе, находясь на свежем воздухе, продвигаясь на телеге по лону матушки природы.

ИГРУШКИ

Лежу как-то. Хорошо лежу, а уснуть не могу, хотя и пообедал с аппетитом, хотя и на календаре выходной. Слышу, как на балконе соседском торгуют. Он говорит: «Десять». Она — «Пять». Спорят. Понимаю, что скоро конфликт назреет и перейдёт границы. Тут, думаю, ждать нечего. Никто за тебя не станет принимать меры, коли у соседей вот-вот начнется заваруха. Захожу. Здороваюсь.

— У вас, точно говоря, на балконе события назревают, Сидор Поликарпович. Критический момент. Альтернативы и консенсуса не вижу. Давайте будем вмешиваться и предотвращать, а то, кто ведаёт, к чему это всё может привести.

— Не волнуйтесь, — говорит сосед Пёрышкин. — Обычное дело. Давно наблюдаю. Всё у них там, в пределах нормы. Такие теперь игрушки. Заверяю. Это игра такая.

Заверять, сами знаете, просто, а потом, сколько хочешь, может быть невероятностей, которые неведомо куда приведут. То путч, то законное правительство, избранное демократическим путём, свергнут, как недавно было в одной «бывшей», тогда придётся признавать самозванцев, помогать им...

Подхожу к балконной двери, смотрю. Верю своим глазам, но как-то ошарашен малость. Она — за прилавком. Он держит сумку и «деньги». На витрине разлёгся веник и стоптанные комнатные тапочки, отходившие своё несколько лет назад. Продаются отдельно шлёпанцы друг от друга. Она требует полста за тапок и двести за веник. Он трясёт головой и не соглашается с такими ценами.

— Сдурела. Зачеркни один нолик.

— Хитрый. Мне тогда и продавать нечего сегодня будет. Ты всё купил.

— Играют. — Позевал Пёрышкин. — Побегали бы. Книжку дочери купил вот. Сам дочитываю. Других игр, будто не знают. Одна торговля на уме у детей.

— Ах, ты так! — вскричал мой Витюшка, принимаясь рисовать на своих «деньгах» дополнительные кружочки и овалы. Катя схватила фломастер, мстительно кривя губки, быстро начертала баранки на ценниках своих товаров.

— Покупай! — усмехнулась девочка.

— Так нельзя, — сказал мальчик. — Мне что придётся на пятую работу устраиваться? А еще надо купить котлет. Ты их стала делать такими маленькими.

— Какие хочу, такие и делаю. Сколько хочу, столько и рисую.

— Так нельзя! Я не могу прокормить семью из-за таких цен. Я уйду к Кольке. С ним интереснее играть. У него новые тапки стоят десяток. Он даёт сок попробовать бесплатно и каждому покупателю дарит конфетку.

— Колька — у бабушки. Надо пол подмести, а венник ты не купил мне.

— За сто миллионов?

— Ты сначала сдай мясо и тыквенные семечки. Принеси квитанции. У меня торговля под заготовки.

— У меня нет мяса. Корова не отелилась, — сказал Витя грустно.

— Пусть тебя папа поддержит, и сдаст за тебя поросёнка.

— Колька справки не просит. Нет такой торговли давно. Не буду с тобой играть.

— Ладно. Давай, играть по-другому. Если у тебя нет денег, тебе задержали получку, я буду тебе продавать под запись. Ты будешь всё покупать, а потом рассчитываться, когда будут деньги. ...Как нечего продавать?

— Мне старые тапочки не нужны. Вместо веника я хочу купить пылесос.

Дома сел за машинку, начал печатать.

...Какая же это притча? Пылесосы и телевизоры импортные. Свои — не умеем делать. А зарплата три месяца где-то путешествует, одаривая кого-то миллионами. Никто ни за что не отвечает. Перестраиваемся. Дети ориентируются в событиях нынешних. Они не знают, что такое спекуляция. Не знают, что ещё недавно было в ходу бранное слово — «фарцовщик». Теперь спекулянты и фарцовщики называются бизнесменами.

УГОЛ ЗРЕНИЯ.

Отчет на профсоюзном собрании вулканизаторщика Андрея Фишенкина о поездке в санаторий по «горящей» путёвке, от которой отказался кто-то...

— Я, дорогие товарищи, родился в застойное время. Получилось так. Меня не спросили, как и вас, но суть не в этом, что мне, как и вам, возможно, казалось, что всё вокруг делается и существует лишь для меня, для моего распрекрасного существования, но это оказалось далеко не так. Хотя иные трудящиеся люди находятся в условиях далеко отличающихся от моих, и не в лучшую сторону. Не знал я об этом. Считал, что

если мы все, как один граждане своей страны, то и житуха у нас у всех, как у меня. Не знал, потому что не видел иного проживания. Некоторые животные сразу после рождения, если их не утопят, чтобы громко не скулили, ничего не видят, а только сосут молоко и спят. Им, что день, что ночь. Потом эти собаки начинают соображать, что мир — это не только поесть и поспать. Со зрением у них странная штука: они два цвета всего и разбирают — чёрный и белый. Я, товарищи, не берусь этого утверждать, потому что с собаками не обменивался информацией, а проще сказать, что не понимаю ни единого слова на собачьем языке. Это отдельные граждане учёные написали, что даже самая распородистая, увенчанная медалями, имеет чёрно-белую жизнь в собственных глазах.

Со мной было то же самое, пока не узнал, что у нас равенство лишь на бумаге, у нас только возможности одинаковые. Я, как и вы, могу стать кем угодно, но мне это не нужно. Кем угодно я не хочу. Не нравится мне быть водителем трамвая. Не могу переносить качки и железного скрежета. С детства я знал, что могу быть выбранным туда, куда никто не хочет. Выпускать, скажем, стенную газету в классе.

Когда подрос, научился голосовать на выборах. Кто-то помнит, что народ изъявлял свою волю, шел на выборы, как на праздник. Потому что в буфете продавали что-то вкусное и редкое. Я всегда чувствовал себя Адамом, придя на избирательный участок. Адам, кто не знает, первый человек, имевший прописку в саду. Садоводом, возможно, был первым. Этот садовод выбрал себе в жены девчонку без пупка по имени Ева. Всё время называл: «ты моя разъединственная». Она ему, хотя и доводилась родственницей, так как из реб-

ра его собственного произведена на свет. Он бы мог еще одно ребро в дело пустить, попросил бы кого надо. Ева постоянно проводила ревизию ребёр. Пересчитывала. При таком народном контроле никакой второй «единственной» быть не могло.

Это потом я говорил жене, что не виноват в том, что на собрании задержался. А с другой стороны, каким путём мне узнать, что ты самая лучшая в мире, самая расчудесная. Сейчас это проще, а тогда. Жил я себе, как и многие другие, читал газеты, слушал радио и в телевизор смотрел, если его мне жена разрешала включить.

Всё понимал, всё знал, не случись со мной вот что: мне, как не очень здоровому человеку, у которого из — за неправильного содержания: плохой еды и вредного питья, в почках что-то отложилось лишнее. Мне каждый год давали путёвку в целебный санаторий, чтобы это лишнее покидало мой организм, а потом вновь восстанавливалось, так как еда у меня осталась прежней, а вода в колодце всё ещё оставалась жидкой. Вот пять лет ездю в санаторий, чтобы стать хоть на время здоровым гражданином родной родины.

Доктор с первого моего приезда понял, отчего мои почки стали ерундить, и строго сказал, словно заповедь прочитал: «Не пей. Водку можешь, самогон, как экологически чистый продукт, тоже годится, а воду ни под какими пытками». Я — совсем не дурак, понял, что в воде содержатся много разной дряни, которая моим организмом не выводится, а остаётся во мне. У Пёрышкина, у его жены это не задерживается, дети не страдают пока ни мои, ни наших соседей. Но другие селяне маются внутренними органами.

Врач сказал после моего третьего приезда, что народ из твоего региона так и валит в санатории почки ремонтировать. Вы, говорит, решайте эту водяную задачу, пока не поздно. Кому почек не жалко, так те операции разрешают себе делать. А вот про полигон, который не очень далеко секретно работал так, что хаты каждое воскресенье подпрыгивали и люстры качались, как маятники в часах, про коров и не говорю, что молока стали давать мало. Думаю, от испуга. Про полигон я врачу тамошнему ничего не говорил, чтобы другую иную болезнь не нашел во мне. Рассказал только про один случай. Оказалась в колхозе машина импортного происхождения. Во время уборочной, на четвертую неделю она крякнула — радиатор накрылся. Инженер у нас дошлый паренёк, так и сказал на общем собрании, дескать, соль в трубках отложилась, температура поднялась, а чтобы автоматика не отключала двигатель, её наш механизатор Иван Рюриков — башковитый мужчина — черенком от метлы заклинил. Вот и гавкнула иностранная техника, купленная за валюту. Нежная техника, говорю врачу, хотя и валютная. Я вот уже пятьдесят годков эту жесткую водичку принимаю, а только еще одни почки сигнал подали. Почему такое — я это понял, да и вы догадаетесь; я ж не всё время одну воду пью. Врач согласился. Мужик в белой шапке сразу допёр, когда сказал: «Не пей».

Получал я путёвки от профсоюза. Другие селяне ходят, просят — им нет путёвок, а мне — есть. Я — вулканизаторщик. Клею весь колхоз. Все ко мне клюются. Резина у меня сырая всегда есть. Кум на заводе работает и подкидывает в обмен на сало. Кусок — на кусок. У всех машины, мотоциклы, а у них колёса. На дороги у нас высыпают золу, шлак, а в них почему-то

гвозди заводятся. У меня целая коллекция того, что добываю из камер.

Отдохну в санатории, подремонтируюсь и опять с полным энтузиазмом клею камеры автомашин, велосипедов, мячей, а случается и лодкам рыбаков восстанавливаю прежнюю надувательность. Почки сначала ничего не сигналият, а потом похлебаю шей, попью квасу или браги — кто что принесёт. И начнутся для меня черные дни. Хоть вой, хоть ори.

Как-то примчался рабочком. Кричит, что путёвка «горячая» моего профиля. «Собирай, говорит, анализы, и дуй на курорт почки свои лечить. Я и думать, шибко не стал. Чего тут думать, когда почки сигналы подают. О Кисловодске скучают. Насторожило, что путёвка «горячая». Ладно, думаю, лишь бы лечили, а там хоть тлеющая, хоть обгорелая. Жена согласие дала на мой отъезд из дома. Список села писать, чего ей и детям привезти для полной дальнейшей жизни. За полдня оформился, а чего тянуть резину, дорогие товарища. Свои почки ближе к телу.

Приехал в санаторий и сразу всем нутром понял, что влип. Во первых только и слышу — «извините, простите, будьте добры, позвольте чихнуть». Тихо. Никто козла не забывает. Никто режим не нарушает. Народ всё как-то норовит уединиться. Все с женами. По магазинам. По театрам. Калоши купят и восторгаются. Я весь колхоз — от мала и до велика в калоши обуваю. Ничего. Никаких охов и ахов.

Живём в комнате двое. Скука. Сосед анекдотов не знает, и слушать не слушает. В подкидного предложил. Он такую мордень сквасил, что я с ним до закрытия общался на пальцах.

Об чем говорить. Он с женой покупки обсуждает, а я у телека сижу в холле, жду, когда они обмен мнениями завершат. Одного товарища попросил помочь (мне Нюся положила, как обычно, в дорогу канистру пятилитровую экологически-чистого) сосед так бзыкнул, будто я враг народа, будто я виноват, что капитализм долго загнивает и не может сгнить треклятый. И тогда я понял, почему путёвка называется «горящей». Её никто брать не хотел. Да и кому, товарищи, нужна эдакая путёвка, если не с кем в «шестьдесят шесть» скинуться? Никому. Пусть по таким путёвкам сам местком и ездит. Он не захотел ехать, а мне подкинул. Это расстройство нервов и остального здоровья. Даром не возьму такие путёвки. Всем говорю, чтобы не ездили по горящим документам. Обегали за сто вёрст, если кто попытается вам всучить этот сервис.

Не буду врать, товарищи, лечили очень добросовестно всех. Никому не делали исключений. От души реставрировали здоровье гражданам. От процедур не увернёшься. Хоть без эксцессов не обошлось. На ванну пошел я, как человек. Трезвый. Не поверите. Она мне холодной воды набуравила. Сначала не понял. Как лёг, так и застучал зубами. Архимед, небось, не ложился в ледяную воду, когда своё открытие готовил для человечества, не стал страдать, а в тёпленькую водичку опускал своё тело.

От испуга закричал на весь зал, дескать, ты чего дочь Эскулапова, воды ледниковой набуравила? Ты тут «шерсть» стрижешь с нашего брата, как с баранов, а я должен грипп ловить? Лей кипятку, а то министру позвоню сейчас. Это я от холода болтанул, никакого министра не знаю, а если кого и видел, то случайно в телевизоре. Что тут началось, товарищи, и подумать

невозможно. Ту самую тетушку, которая воду не померила, больше не видел. Внимание и так было отменное, но такого не встречал. Стал думать, что выпал я из пролетающего НЛО.

В других санаториях могли вообще забыть напустить воды в ванну, самому приходилось температуру до кондиции доводить. Странно это мне показалось. Будто всё это во сне вижу, а проснуться не хочу. Удивительное дело. В соседнем санатории люди по пять — шесть человек ночуют, а в нашем — почти все кельи одноместные. С едой грустно. От одной икры не знаешь куда деваться — морщишься, но ешь, чтоб не глядели на тебя, как на белую ворону, которая сыр не переносит.

Как красная икра кончится, так они чёрную — на столы настанавливают. То ли у неё срок годности кончился и она зачернела. Все икринки чёрные, честное слово. До сих пор в горле стоит комком. Милое дело — кабачковая или баклажанская — мягкая, ароматная и жевать не стоит.

Домой приехал, и на рентген послали просветиться. Захотел на мои почки глянуть. Просветитель говорит, мол, чего это у вас в горле, не болит? Икра — отвечаю — от того «страмотория» осталась, хотите, скочырните и курам отдайте или еще каким животным, если станут кушать. Жена говорит, что со мной спать неудобно. От меня рыбным духом необычно шибает. От жены родной стыдно, товарищи.

Вот как люди маются в таких странных курортах, куда мне досталась эта горящая путёвка. Раньше я по простым путёвкам ездил, по профсоюзным. В тех санаториях народ весёлый, общительный. В этом и домина, и шашек нет, а одни шахматы. Зачем, спраши-

ваю, такое неравенство нам нужно? Зачем такой отдых, устраивать, который хуже наказания. Всё одинаковое, но это когда не знаешь, а когда узнаешь нечаянно, не по себе делается. Даже путёвка оказалась дешевле, чем в настоящий санаторий. За что наши люди страдают? В соседнем корпусе, говорили, палаты на одно лицо, но с прихожей, спальней и прочей чепухой — вот где скука, товарищи. Не приведи, Господи, очутиться в такой одиночке, которая похожа на Петропавловку.

ПРОЖИТОЧНЫЙ МИНИМУМ

В телевизоре депутаты спорили яростно о том, сколько нужно рублей среднему гражданину на проживание. Одни говорили, что можно жить на семьдесят рублей и не «загнаться», образно говоря. Другие депутаты горячо возражали, что и ста пятидесяти будет маловато. Это, как знаете, средняя зарплата, если не сказать, что у некоторых селян намного меньше.

Утром собрались в гаражной курилке. Начали обмениваться мнениями по поводу работы наших родненьких депутатов. Поясню для тех, кто подзабыл, что начала разгораться заря демократии и открылось движение рабоче-крестьянского государства по новым рельсам. Наш паровоз опять куда-то полетел, но еще никто не провозгласил, где остановка.

— Конечно, жить на такую сумму нельзя, но существовать можно, — начал Колька Папин, тракторист.

— Как это жить? — удивился механик Горохов. — Я, к примеру, и не жил ещё, а существовал. И моя семья существовала. Хочешь купить пальто. Нету. Хочешь ребёнку купить сапожки к школе недорогие —

нет таких. Едешь куда-то, заказываешь, умоляешь, переплачиваешь. Ну, разве это жизнь.

— А теперь скоро всё будет, — сказал Алексей Палкин, работавший когда-то комсомольским секретарём, но с возрастом, перешедший в водители.

— Помолчи, — заёрзал сторож дядя Паша, пришедший приклепать к старой печной заслонке новую ручку. — Вас заставляли колоски собирать?

— Нет, — невесело подтвердили многие.

— ...Весной. ...Никто вас не арестовывает по ночам. Спите спокойно? Вам разрешили языком молоть, а не работать, как сейчас. Радуйтесь, забодай вас комар.

— Ага. Голые ходите? Голодные? — вздохнул пожилой шофёр Кочергин.

— А я и на пятнадцать рублей прожил бы, — нарушил затянувшуюся паузу токарь Машкин. — Картошка у меня есть, капуста, огурцы, мёд, как водится. Утки подросли, цыплята, да три поросёнка откормил. Бычок ходит с тёлкой.

— Правильно, зачем ему сахар, у него двадцать ульев, — сказал Папин. — Он бы булку не делил? Его супруга сама печёт хлеба. Кто-кто, а ты не годишься, как пример... Ты исключение.

— А в кино не будешь ходить?

— Да, и не хожу, некогда. Зимой иногда телек смотрю, а в основном радио слушаем.

— А сломается телек, где возьмёшь деньги на ремонт? — спросил Горохов у Машкина.

— Я ж мёд продавал, картошку сдавал, свеклу, морковь в город увёз.

— Два грузовика тыквы отгрузил, — мотнул головой Палкин.

— Машкин — особый случай. Я говорю о том, что вся зарплата уходит на жратву, — загорячился Горохов. — У меня вон радикулит. С койки еле встаю.

— Сравнил себя и Машкина. Он навоз круглый год на огород возит в ванне из пригонов, а ты и в кино ходишь и в санатории ездешь. Я говорю, что скоро всё будет... — но Палкина опять перебили.

— Работать за нас будет кто-то, — сказал Кочергин. — До обеда будем обсуждать депутатов, потом в домино постукаем.

— Мы про одно говорим, а ты совсем о другом. Я говорю, что могу прожить и на десятку, — загорячился Машкин.

— О тебе и речи не ведётся, — сказал Горохов. — Не все такие в деревне. Ты хоть спишь? Давай я тебя отправлю в город жить.

— Я не поеду. Мне тут нравится, — ухмыльнулся Машкин.

— А ты поживи в городе. Вместо мяса будешь покупать косточки. Картошечку купишь мелкую в магазине. А ты сала натопил, кабанов на колбасу и окорока пустил. Помидорки и огурцы посолил. Две коровы у тебя доятся. Масло, сметана, творог, сыр — на столе у тебя безвыездно. Зерна сколько получил на заработанный рубль? А сколь ещё прикупил? Индюкам счёту не знаешь. Яйца сдаёшь заготовителям. Тебе и пяти рублей хватит на год. На соль, на спички...

— А я с фермы кусок соли привёз и долблю его пятый год, — сказал дядя Паша. — В то бы времечко уже бы донесли и нашли мне место за эту соль.

— Машкин за своим мясом круглый год ходит, — сказал Папин.

— А тебе кто не даёт? У тебя пол-огорода травой заросло, а вторая половина семечками засажена. У Машкина пол-огорода картошки, а пол-огорода лук-севок занимает. Его жена с сестрой в Иркутск ездят торговать им, — сказал Кочергин.

— Я и в городе свиноферму открою. Объядки стану собирать по столовым и буфетам. У нас этих объедков — все свалки забиты, — проговорил Машкин. — Никто не принесёт мне в кастрюльку кусок мяса, никто не станет думать о моей семье...

— Я и говорю, что скоро всё будет в магазинах, но не будет денег.

Сидевшие посмотрели на Палкина, который завладел вниманием механизаторов колхоза «Большеви́стский сев».

— Это как ещё? — спросил механик Горохов и его полное лицо начало бледнеть.

— Так. Закроют колхозы, как нерентабельные, станем мы свои огороды унаваживать и научимся шапки из крольчиного меха шить, как Робинзон Крузо. А кто будет на митинги ходить, тот будет жить на утверждённый депутатами прожиточный минимум.

— Будет врать-то. Кто закроет наш колхоз? — усмехнулся Кочергин, взглянув на часы. — Пора собираться на обед, мужики, уже половина нашего.

Пролетят два года. Колхозы развалятся. Появятся в селе новые фермеры. В прошлом 2009 вырастят столько пшеницы, что она будет лежать в складах, так как возникнет переизбыток. Машкин сделает себе тракторок, увеличит пасеку и надел под лук-севок. Никто не умер в деревне от голода, от перестроечных

реформ. Большие огороды кормят население деревни.

РЕПЕТИЦИЯ

Юрку Бабкина у нас в «Сельхозтехнике» знает каждый слесарь. А после того, как он кино взялся снимать, бухгалтерия у него автографы берёт. В своих ведомостях. Нет, слава Феллини давала ему спать. Бондарчуком не хотел становиться. А вот походить на Гайдая после просмотра «Самогонщиков» ему захотелось. Когда пришёл из армии, я слесарил в цехе разборки «газонов». Юрке нашли автомобиль, так как он был ответственным комсомольцем, и заявление написал, чтобы его кандидатом взяли в ряды членов КПСС. Из ремонта не вылезал. Такую дали автомашину, которая старше его была лет на двадцать. Днём Юрик работает — щебень возит из Весёлоярска, а ночью ремонтируется.

Выполнял задания по тонно-километрам, но перерасход у него был по запасным частям. В конце года, когда у нас итоги подводят, вышел Юрик на третье место среди новых машин и опытных водителей автопарка. Вручил ему сам главный инженер Солдатов кинокамеру и прочую кинодребедень. Со смыслом подарок. Юрик успевал в «Комсомольском прожекторе» фотки делать «Сменой».

Слышу, Бабкин свой автомобиль сдал в утиль, слесарит в цехе по ремонту кабин. Выпускают с Витькой Ситниковым «Прожектор». Ситников рисовал карикатуры, и заметки смешные писал. Они ещё до армии в самодеятельность ходили. Меня попросили на долж-

ность звукооператора. Магнитофон у меня был. «Дніпро» — назывался.

Договорились сценарий написать. Через неделю встретились в Красном уголке. Витя принёс свой сюжет, а Юрик — свой. Я — писать не стал. Почитали, почитали. Не нашли консенсуса. Виктору хочется кинокомедию снять, а Бабкину приключения надо, под вид, как итальянцы в зоопарке клад искали.

А сюжет такой. Мазуров хорошо врезал с ребятами в общежитии после аванса и уснул. Парни спать уложили. Один говорит, давайте тест на внимательность устроим. Пошли, у девчонок взяли или стырили трусишки, надели на Мишку. Тот через пару часов проснулся, ему стопарь налили, и домой отправили. Дома отчитался, что полночи провёл в общежитии у парней, лёг спать, как обычно, в кухне. Получил устное сто пятое предупреждение.

Утром просыпается, хочет на рыбалку ехать, чтобы там, на природе отдохнуть и здоровье поправить. Людка увидела на нём не свои трусы, а чужие какие-то, незнакомые даже. Крик — скандал. Мишка говорит, что пил водку сначала у ограды в полынах, потом в общежитии у Вовки Серцева в комнате. Людка умчалась к матери. Развод по-итальянски. Мишка — молодой переводчик, заочно учится в институте на инженера.

В сценарии написано у Витька Ситникова иначе. Главный герой среди ночи встаёт по острой нужде и обнаруживает, что не в своей одежде. Он живёт на втором этаже. Хочет выбросить в форточку чужой предмет.

Тут начинается комедия. Трусы висят на тополе, унесённые ветром. Ветка, на которой они расположились, как раз перед окном. Жена утром увидит и

поймёт, что трусы не её. Персонаж лезет на тополь, завернувшись в простыню. Получается так, что простыня сваливается с его тела и падает на голову дочки, что сидела с парнем на лавочке у калитки. Дочка входит во двор и видит на дереве голого мужчину. Не узнаёт его. Думает, что к ним лезет или вылезает из окна папин помощник.

Девушка понимает, что маму нельзя выдавать. Она вешает простыню на верёвку, а сама уходит с парнем к пруду. Папа спускается. Обворачивается в простыню и лезет на дерево спасать свою честь и достоинство. В это время сосед, зная, что накануне был выгнан самогон для свадьбы, отправляется в летнюю кухню продегустировать продукт свадебного назначения.

Папа, не достав трусы, боясь сорваться с ветки, идёт к сараю за граблями. Сосед, дегустируя, замечает фигуру в белом с граблями, но не с косой. Падает в летней кухне головой на сепаратор. Папа несёт соседа к воротам, чтобы оказать скорую медицинскую помощь. Возвращается дочка с будущим мужем. Видит папу в простыни, но в обнимку с каким-то плохоодетым телом мужского обличия. Оно в сапогах, в фуфайке и в синих трусах. Жених смотрит на мужчин, и говорит дочке международным жестом, дескать, пошли вы все на...

Когда дочка видит, что папа заматывает голову раненому дегустатору, решает, что произошло нечто страшное. Папа ранил своего верного помощника. Бежит к маме. Мама включает свет во дворе, вызывает медицинскую автомашину. Когда дегустатора свадебного самогона кладут на носилки, с неба спускаются, сорвавшись с тополиной ветки трусики весёленькой расцветки. Мама смотрит на мужа в простыне, на пред-

мет, прилетевший с неба, спрашивает у фельдшера: «Это чьё?».

«Скорая» уезжает в ночь, а во дворе начинается поиск истины — отчего муж ходит в простыне. Хотя не греческой национальности. Не только ходит, но и скачет по тополям, — добавляет дочь. Почему на тополях висят незнакомые дамские трусы. Папа клянётся на кулинарной книге, что над ним совершили собутыльники акт надругательства женским предметом туалета.

Мама берёт пиджак папин. В кармане среди остатков аванса находит папины трусы, в которых она отправляла его на работу прошедшим утром. Мама и дочь, смотревшие кино о сыщике Колombo, соединяют все факты и приходят к выводу, что нужно искать женщину подходящих размеров. Трусы — это не хрустальная туфелька. На людях не примерить.

Утром папа бежит в общагу. Он тоже смотрел кино о Шерлоке Холмсе. Приходит в общагу в комнату к Вове Серцеву и колотит в дверь интенсивно и громко. Во время беседы, из которой становится ясно, что юмористы, надевавшие на главного героя чужие трусики, должны срочно придти и всё объяснить жене главного героя.

В это время заходит в комнату жена Вовы со сковородкой свежееотваренных макарон. Видит на столе свои трусы и, ничего не спрашивая, сыплет мужу на голову горячий завтрак. Когда ей объяснили, почему и зачем возникли на столе трусы, она собирает макароны с ковра и спешит со сковородкой к соседке, чтобы удостовериться, каким путём её предмет оказался в руках у мужчин. Соседка сначала мнётся, а потом, глядя на тefаль, говорит, что выдала на прокат, как реквизит, для съёмки художественного фильма. Всем коллективом

идут к Мазуровым рассказывать, как начиналась киношутка. Мазуровы не утвердили сценарий Витин, но помирились. Теперь после каждого аванса, приходя к дому своему, Мазуров проверяет свои трусы — того ли они цвета, что были утром.

Я, звукооператор, требовал начать съёмку киноленты на этот сюжет, но Ситников сказал, что нет социальной значимости, и сжёг сценарий в кузнечном горне. В его новом сценарии было несколько героев, которые искали клад в развалинах мельницы. Льва не оказалось, но и сюжет нам не понравился. Все помнят, как приезжал внук бывшего хозяина мельницы с металлоискателем. Ночью он шарился по огороду Панькиных, а днём ходил в развалины.

— Деньги на плёнку можно собрать среди населения, организовав акционерное общество. — Сказал Витёк, и достал десять рублей. Юра, как главный оператор, сказал, что деньги даст организация, которая заинтересуется в сюжете. Мы взялись думать. Общество трезвости стало, как говорится, спонсором. Дали Юрке тридцать четыре рубля и потребовали сценарий на утверждение. После долгих вариантов и споров, решили снимать токаря из нашего цеха и его подшефного, прототипы, так сказать. Витя написал третий сценарий. Заказчик требовал своё. Заказал нам тему. Мы предлагаем планы, а Витя записывает.

Первые кадры. Станок. Токарный цех. Дядя Серёжа точит, а ученик Саша стоит рядом и смотрит. Второй кадр. Собрание в клубе. Токаря дают Почётную грамоту за наставничество. Переходящий вымпел. Пацану присваивают второй разряд. Народ. Аплодисменты. Цветы. Музыка. На роль подшефного решили взять Лёньку Мельникова.

Третий кадр. Выходят рабочие за ворота Сельхозтехники. Шеф и подшефный несут вымпелы и Грамоты. Их окружают коллеги по цеху. Красноречиво, бьют себя по шеям.

Утвердили, что кино будет без реплик, как в начале киновека, решили уделить внимание деталям.

Купили срочно две бутылки, ставриду. Хлеба не было. Решили не терять времени на беготню. Юрик предлагает купить баранок. Витя предлагает, что нужно купить пряников. Они такие старые, как из железа.

— Мужикам — водка и ставрида, а подшефному железный пряник. Он ещё маленький. Пряник — это символ твёрдости профессии. Почти гранит науки. Пусть его грызёт.

— Верно. Он в армии не был. Только со школы. Ему бы чего сладкого, а не водяры, — соглашаюсь я.

— Водку никто не закусывает сладкими пряниками, — говорит Юра Бабкин. — Баранки пойдут, а пряники нет. Не буду снимать пряники. Засмеют.

— Это, как символ, — говорит Ситников.

— Не грызть же ему камень, — говорю я.

— Кино должно быть реальным.

— Юра, это искусство, — напирает Витя. — Ты один, а нас двое.

— Зовём артиста, — приглашает Бабкин Лёньку Мельникова. Рассказывает ему идею. Мы тоже входим в свои роли. Поясняем, что начало трудовой жизни, начало работы. Жизнь сладкая, но и тверда, как райповский пряник, который не угрызть и динозавру. Лёнька пригладил белобрысую чёлку и говорит:

— Пряник только идиоты могут снимать. Водка. Ставрида. Пряник. Надо убрать пряники.

— Нет хлеба в магазине. Пока ходим, солнце уйдёт. — Говорю я.

— С Луны упали. Где это видано, чтобы горькое заедали сладким, — визжит наш артист, не понимая, что в искусстве должны быть символы. Подошли парни знакомые.

— Давно слушаем вашу бредятину.

— Мы согласны сыграть. Пусть пряники.

— Только сначала налейте стакан. А в кадре я буду грызть пряник, капусту — что хотите.

— Степан, не годишься на роль. Надо ученика. Молодого школьника, а у тебя уже двое детей. Ты большой, — говорит Юра Бабкин, а сам на солнце смотрит. Ленька видит, что каскадёры появились. Готовы занять его место...

— Согласен, кладите на ящик пряники, но только сначала гонорар дайте, так сказать, зарплату за съёмку, — говорит Лёха и на парней зло смотрит.

— Всё, — говорит Юра, закрывая приборчик, который он экспонометром называет. — Завтра начнём снимать.

— Что делать, — открывает бутылку Витя, — Завтра начнём, а реквизит домой не понесёшь. Засмеют соседи.

— Правильно, — говорят остальные артисты. — Репетицию нельзя отменять.

Сели у каменного забора на водочные ящики. Съёмочная площадка должна обжиться. Порезали ставриду, открыли пакет с пятью пряниками. Ситников купил-таки символ трудовой жизни.

Бабкин камеру наводит, планы выбирает. А мы так хорошо начали репетировать. Вторую бутылку выпили артисты. Бабкину наливаю. Он отстал от нас.

Смотрю, а трое уже пряниками заедают. Зубы молодые у ребят. Ставрида маленькая попала, а пряника на три тоста хватает, а если нюхать, так и на пять.

История эта могла бы, и закончиться репетицией, но перед обедом вызывает Бабкина секретарь партбюро Гончаров и объявляет:

— Вы фильмы, порочащие наш коллектив, бросайте. Приходили два пожилых токаря и грозили к управляющему идти, жаловаться. Им кто-то сказал, что на них сатиру снимаешь. Обещали учеников не гонять больше за водкой. Слово дали. Уж ты не снимал бы про токарей. Пожилые люди, заслуженные. После получки зайди за гараж и снимай, сколько плёнки хватит.

— Побьют, — сказал Юрик.

— Могут. — Согласился секретарь. — Кино должно быть художественным, а снимать пьющих — большого ума не нужно. Сними киносюжет о тех, кто тащит запасные части из авторемонтной мастерской. Вчера доски из кузовного цеха упёрли в дыру. Кладка крепкая, а дыр в кирпичной стене прибавляется. Не успеваем закладывать.

ЖЕРТВА

Завтра мы с Люсей в загс пойдём. Это ничего, что она ещё учится в институте, но я работаю на фабрике резиновых изделий и живу с родителями. Они нам выделили мансарду. Потом пристроим комнату. Папа нам на свадьбу своего «Москвича» дарит, а старший брат гараж обещал металлический. Тетя Вера уже гарнитур мебельный у себя на базе выкогтила. Люськины родители сервиз пожертвовали «Мадонна». Это ничего, что без одной тарелки.

Люська молодец. Шить умеет, вяжет на машине. Своим братьям и сёстрам костюмчики сшила к школе. Закройщиком может работать. Организуем кооператив. Начнём индивидуальную деятельность. Сейчас одежды хорошей мало в магазинах, а та, что есть, так только с горя можно купить или сослепу.

Родит Люся парня, вместе станем на охоту ездить, на базар клубнику продавать. Отец всегда меня брал. Сначала я кульки из старых тетрадей вертел, а потом самостоятельно взялся. стакан — рублик. Десять ягодок можно втиснуть. Клубника у нас не простая. Крупная. ...Если девочка получится, так полоть ягоду станет, розы поливать, луковицы георгинов рассылать адресатам, как это я делал в детстве.

В институт поступать не буду. Пусть Люська доучится, а институт зачем. Сад прокормит и напоит. Надо побольше цветов посадить. Теплицу расширим с отцом. Зачем голову забивать науками, которые некуда пристроить, негде применить. Другое дело — книги по цветоводству. Заведу особую тетрадь. Буду всё записывать, что лучше родилось, что и сколько продали и на какую сумму. Хорошо бы пчёл купить. Мёд в цене и очень полезен для здоровья. Чего дипломом делать? Люсе в школе придётся нервы трепать с двоечниками. Пусть дома шьёт. Машинку надо раздобыть современную, чтобы все операции могла делать. Тётка Верочка добудет. Она и динозавра откопает живого, а машинка швейная — ей раз чихнуть.

Что это за журнал лежит. Какой-то обрывок статьи. Это я же кульки вертел и порвал. Интересное что-то. «Нажитое во время брака имущество принадлежит вам обоим независимо от участия в его приобретении». Она будет учиться, а я — вкалывай, а чуть что, если

развод, то пополам. Нет справедливости, товарищ юрист. Она будет книжечки почитать, я в земле, как крот возиться. Ничего не выйдет. Странные законы? Что же дальше. «Муж не вправе без согласия жены обратиться в суд с иском о разводе, если жена беременна, а также в течение года после рождения ребёнка. Зато жена может потребовать развода». Вот это заявочки. Вот это равноправие, Она может, а я не могу. Ребёнок не от меня, я в командировке целый год был на льдине жил по соседству с медведями в белых костюмах. Люська свободно может подать на развод, не спрашивая. Будто я ей и не муж, а пустое место. Это не гуманно по отношению к мужьям. Я — не муж, но буду...

Что-то путает юрист. Ну-ка дальше. «Решая вопрос о том, кому передать ребёнка на воспитание, суд исходит из интересов ребёнка (обычно его оставляют с матерью)». Что она ему даст? Чему научит? Во что оденет, Люська и ткани путной не сможет без меня достать. Чего она заработает в школе? Будет ребёнок перебиваться с воды на квас. Когда ей его воспитывать? У меня времени полно свободного. У меня на глазах будет. И дед тут же. Молоток подарит, рубанок. Он у неё бандитом вырастет. Чего ей буду платить по пособию? На молоко не хватит. Ну, законники. Сами детей толкают в колонии малолетних преступников, а потом о проблемах воспитания пишут, кино снимают, не ведая, что сами виноваты в детской преступности. Никаких разводов. Вышла замуж, так живи, а не перебирай — с кем ей лучше, а кто не подходит по росту и по гладкости ладоней. Люська психованная с этой учёбой. Запросто, может на развод подать по глупости. Я ничего не могу доказать, меня и слушать никто не будет. Мой парень будет в колонии. Подумать только.

Вместо того, чтобы укреплять семью законами, чтоб муж был глава, чтобы... Глава — девяносто рублей. Девять бутылок. У меня не девять. У меня двадцать восемь. Батя устроил, а, то мёл бы цех, мыл окна. ...Потом придётся алименты платить, переживать за собственного ребёнка, как к нему относится дядя чужой. Кому нужен не родной пацан? Никому.

А зачем жениться? Что в этом хорошего? Одна фикция, что ты глава.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО.

В нашей деревне только и разговоров о Дуське Поповой. Куда ни пойдёшь, везде об одном и том же. Ну, была Евдокия горячей до работы, просто отчаянно любила поработать в овощеводческой бригаде. В колхозе у неё больше всех трудодней. За капустой глядела, как и её мать. Но теперь она сидит на лавке и смотрит в стену, словно хочет её просверлить глазами. Муж Дусин уже научился кашу себе и детям варить, а что остаётся, отдаёт свиньям. Сам ходит в садик за ребятами, сам колготки стирает и брагу ставит.

Родня обеспокоена, Надо, говорят, её положить в психодиспансер и обследовать. Может, сглазили женщину. Посчитали, что надо бы и к бабушке сводить. Лишь сам Попов совсем не волнуется.

— Ничего, — всем отвечает. — Оставьте её в покое. Так бывает. Мне сказал человек, который там был.

— Что там случилось? — интересуется родня Евдокии.

— Вас бы туда, — сказал Попов, — небось, сами стали сглаженными.

Прошло время, и узнали причину Дуськиных недомоганий, а как узнали, так решили написать куда следует. Решили, и написали.

«ЖАЛОБА

Мы — вся родня и правление колхоза «Светлый путь» обращаемся к вам с ультиматумом. Что же вы делаете, как смеете так над людьми измываться? Мы проводили вам работницу и мать, как лучшую овощеводку, как активного члена нашего коллектива, к тому же еще и спортсменку, и комсомолку со школы. Что получили назад? Получили другого человека, которого подменили или психически повернули на другую сторону. Вот уже прошло полгода, а Дуська лежит, кусает себя за губы и смотрит далеко вперед, забыв о детях и о мужике не желает думать и заботиться. На наш колхоз она положила свою тяпку в правлении и сказала, что я вам не батрачка.

Если вы не понимаете своей диверсионной и подрывной работы и не закроетесь, то мы напишем в наше правительство и вас разгонят по первое число и сошлют, где Макар телят не пас и не пасёт уже. Дуськин муж лично говорит, что подаст на суд за развал крепкой семьи, потому что Дуська требует от него непонятно чего, и он вообще об этом не слышал никогда. Не помогли ему и в райцентре, а уж там газет выписывают больше нашего, но тоже видно не читают.

Мы смотрим телевизор и слушаем радио со столба, не можем терпеть зажима прав живого человека, знаем куда обращаться, где найти управу на вашу бессовестную шайку-лейку, если не закроетесь

добровольно. Ведь инквизиция, как пишут, в средние века действовала гуманнее, чем ваша организация. Где ж вы так научились изгаляться над труженицей простого сельского села? Зачем возите неопытных людей в зарубежные путешествия? Для чего торгуете опиумом народа, который делает человека помешанным на много времени жизни. Увидев, что и как там у них наша Дуська лишилась представления о многом, что ей и всем нам говорилось в школе, что пишут в газетных статьях, что показывают с экрана кинофильмов. Лишилась Дуська покоя после знакомства с тем, что и как там у них. Оказывается, Дуська сказала, что там можно одеть и обусть детей без записи и очередей. Конечно, ей мы не верим, но некоторые женщины стали задумываться прямо на работе в коровниках, а после приходиться к Дуське на лекции. От всего этого снизились, конечно, в колхозе показатели колхозного производства. Упали все надои и повяла капуста...».

Письмо отправили и стали ждать ответ. Дуська вчера вышла на работу. «Привыкла к дому, — сказал муж Дуськин. — Никуда я с ней не поеду, пусть не просит. Я к деревне своей привык, чего я там не видел. К тому же я ничего не понимаю по американс

НЕ В ЦВЕТЕ СЧАСТЬЕ

Неожиданность — это всегда приятно, если она приятная, а если так себе, то и неожиданностью называть не стоит. Но фотограф Пёрышкин, раскрыв газету, был поражен приятной неожиданностью. Он несколько лет проявлял фотоплёнку снеговой водой, а когда зима кончалась, то пользовался дождевой водицей. Надо пояснить, что вода у нас жесткая, проще сказать, сквер-

ная. Для пользования не пригодная вода. Нельзя заливать в охлаждающее устройство — радиатор.

Вода, конечно, всегда жидкая. Если даже в рот взять и проглотить, то пойдёт она туда, куда ей надо идти. Если часто пить, год или два, не разбавляя воду ничем другим жидким, то в органах эта вода делает своё черное дело. Она свои соли оставляет в почках, отчего образуется песок, камни и так далее. Действует эта вода и на фотоплёнки. Как проявит Пёрышкин свои плёнки, где наснимает людей всяких, то негативы обязательно в камнях получаются, в песке и гравии. Фотокарточку сделает. Походит человек на себя, но не фонтан. Все морщины видны, залысины. Вы видели такие карточки. Когда ещё ничего, а когда — ни рожи, ни кожи. Это так у нас говорят, глядя на плохие фотки.

Вода влияет не в лучшую сторону. Скажем, получилась невеста лысовата, а жених ниже ростом и сморщенный или чего хуже, в рябинах. Вода виновата. Все знают. Мало внимания на эти тонкости обращают. Привыкли. Воду эту пьют в кастрюли и варят, чего им захочется. Другой воды нет, а если у кого есть в подполе или в погребе, то называется она минеральной, хотя и ничем не отличается. Пробовали нашу воду газировать. Никто не отличал. В газете писали, что скоро откроется кооператив, который будет торговать не только водой, но и грязью. Грязи у нас тоже хватает. Говорят, что она даже целебная, но те, кто лечился, давно уехали здоровыми. Выгодное положение у нас. Если кооператив возьмётся за работу, то соберёт с улиц всю грязь, тогда можно будет по старому асфальту ходить, потому, как его накатали давно, но грязь, отлипая от на колёс, легла на проезжую часть толстым слоем. Это я к тому, что вода не бывает без грязи.

Как-то в водопроводе появилась мягкая вода. Об этом узнали те, кто мыл руки и пытался смыть мыло. Мыло не смывалось. Смывалось, но не сразу, а после некоторых усилий. Через месяц в трубах что-то настырно забулькало и потекло из кранов что-то желтого цвета, похожее на пиво. Народ обрадовался. Пивопровод заработал. Это вполне законное явление могло быть, ведь стоимость поступающей воды несколько не дешевле Жигулёвского.

Пёрышкин обрадовался, но сразу и загрустил — умываться пивом не станешь и бельишко жене трудно будет стирать в пиве. Окрошку еще можно на пиве соорудить, а вот борщ — не получится. Зря Пёрышкин расстраивался. Пивом из кранов и не припахивало. Не была и запаха яблочного сока. Была какая-то мутная жижа. Пресса поясняла, дошел водовод. Неизвестно почему он таким мутноводом оказался. Издалека тёк, вот и замарался в трубах. Вполне естественный процесс. Когда издалека идёшь по дороге пыльной, непременно приходится ноги мыть.

Пёрышкин, как и все мы, подумал, что пройдёт, рассосётся, исчезнет. Привык народ. Исчезают продукты, хотя талоны на них дали. Обычные явления. Обещали коммунизм, но не сказали, кто до него доживёт. Недавно один товарищ из капитальной страны так и сказал, что мы коммунизм проскочили и не заметили. Он пояснил, что у вас никто не знает что такое безработица. Выходит, по его понятиям, что райская жизнь это когда есть работа. Не понимали мы его тогда.

С водой проводили эксперименты. Кто замотает краны бинтами, кто пускает через фильтр «родничок», а кто просто наливает и ждёт когда произойдёт само-

очистка. Через трое суток вода слегка белела, но муть не проходила.

Если хозяйка захочет манную кашку сварить, то получится нечто странного цвета и вкуса. Скучноват у этой пищи вид. Если такой кашкой покрасить забор, то вполне мог постоять в коричневом колере лет пяток. Насчёт помывки тела снаружи. Это, как поняли, тоже дело не простое. Кто перекупается, у того тело становится желтовато-серым, а причёска, если есть, то вообще приобретает ржавый оттенок. Некоторые девчачки довольны. Хну не покупают. Какая экономия! У соседа ребёнок перекупался. Тогда ещё ничего не понимали и не соображали. Жуть у родителей была. Думали в первую минуту, что это чужой пацанёнок. Даже решили, что инопланетяне им своего отпрыска подкинули на содержание. Ну, весь ребёнок жёлтый, как будто другой национальности. Присмотрелись. Свой ребёнок. Родной. Пожелтел. Знали из прессы, что в других населённых пунктах дети рождались желтоватого оттенка. Это вопреки воли родителей и родственников. До любого доведись. Хоть до тебя или до меня или до Пёрышкина — не очень радостно иметь такого наследника, хотя ты сам слегка, но конопат местами и кое-где татуировка, но это как раз не перешло малышу.

Никто не мог ответить ничего вразумительного по этому поводу. Кто-то высказывался, что привозили для еды арбузы из-под Семипалатинска, а ещё была версия, что цветные телевизоры влияют на беременных женщин, которые долго перед экраном на лавке лежат в зале. Я считаю, что появление жёлтых младенцев связано с гласностью. Обыкновенное отравление. Гласность в больших дозах бывает, вредна для неокрепших организмов. Особенно кормящих матерей. Столько

аварий, столько обещаний обрушивается на телесмотрителя только за один вечер, что человек может не только пожелтеть, но и посинеет.

В больнице того перекупанного ребёнка изучали, анализы брали, а одна старая санитарка из детского отделения поплевала на ручку, потёрла полый халата. Образовалось пятно натурального детского цвета. Теперь перекупавшихся детей окупывают минеральной водой.

Если искупанных обмывать дистиллированной водой домашнего приготовления, то дети иногда припахивают. Воду получали тем самым прибором, которым еще пользовались прабабки, изготавливая экологически чистый продукт, называемый в народе самосидкой. Непедагогично использовать аппараты бывшие в длительном употреблении. Это может повлиять на дальнейшее развитие человека.

Жёлтая вода в кранах стала исчезать и вновь появляться. Пёрышкин даже решил график составить, когда ему карточки печатать, когда можно кашу манную варить беловатого цвета. Этим открытием он поделился с соседями. Теперь народ спокоен. А чего волноваться. Всё не так уж и скверно. Когда-нибудь потечёт вода питьевая и в наших трубах, — верят оптимисты.

НЕЛЬЗЯ

У вас какая фамилия? Неужели? Никто бы и не поверил. А фамилия — это не фунт изюму скушать. Она влияет на вашу жизнь. Точно. Проверено. Хотя вы этого и не замечаете.

Не замечал этого Иван Дураков. Возможно, вы его знаете. Он молодой, Ему и тридцати нет. Токарил

на заводе. Разные болтики, гаечки вытачивал. Умел это делать, хотя и Дураков. Он не виноват, что с предком конфуз вышел. Попал в историю. С ним ещё разные случаи происходили. Как на печи сидел, как щук ловил, как на царевнах женился. Бывало, крепостным давали фамилии по прозвищу или по фамилии барина. Что хочешь, то и делай. Я и сам намеренно нашел собственный герб. Дворянский герб. Но прадед был пахарем, значит, и герб не мой, а барина. Перепись провели, записали. Так и живи. Бывает и наоборот. Пишется дамочка из заводоуправления Красавцева, а внешность, у неё простите, подгуляла, и даже больше, чего тут греха таить. Если в полутемноте на неё смотреть или в шибком подпитии, то ещё и ничего, но при свете, так лучше и не огорчаться, хотя со стороны каблуков смотреть, так можно и залюбоваться. ...Она не виновата. Игра природы. Она бы как-нибудь вышла замуж, чтоб можно было с другой фамилией дальше жить, но не судьба. А как ей выйти, если характер у этой девицы и не золото и даже не серебро.

Ваня Дураков тоже не ангел. Въедливый такой, как нашатырь, который, если открыть и понюхать. Была бы у него фамилия другая, глядишь, человек не был таким. Он мог изменить своё наименование. Детишкам полегче на улице играть и общаться. Это форменное оскорбление, можно сказать. Дети это тонко понимают и чувствуют. Хотя букву одну сменил. Люди по иному стали относиться. И детворе легче тасоваться. Писался б Жураковым или Бураковым. Да мало ли букв в алфавите. Только подставляй.

Американские исследователи писали, что даже имя действует на нервы и определяет характер и судьбу. Помните, у Николая Васильевича один мужчина

был крещен Акакием Акакиевичем. Что произошло? Американские родители теперь называют своих младенцев правильно. Они ничего не делают плохо. А у нас? У нас сколько угодно неприличных фамилий и грустных имён, если не сказать, никудышных.

Да, что там имена! Недавно, совсем почти на той неделе один умный товарищ, уважаемый мной до сего времени и последнего момента, стал с телеэкранов передразнивать самого Кашпировского. Это теперь называется делать шаржу или пародию. Человек все свои силы отдавал, лечил бесплатно человечество. Ни у кого даже и рубля не требовал. А этот дразнила с алкогольной фамилией, стал над ним измываться, в силу своих возможностей. За что спрашивается такое издевательство. Доведись до вас. Вы стараетесь, чтобы у людей не было ни бородавок, ни гриппа, чтобы все люди спали в сухих постелях, а на вас ведро помоев выливается принародно. Не старое время, правда?

Вот и Дураков уехал с завода, квартиру даже бросил, хотя мог и обменять. Кашпировский, естественно, вернётся из Америки, там разберутся американские люди, узнают, отчего рубцы рассасываются, почему грудь увеличивается, почему на сеансах у людей пропадает желание быть больным. В загранице всё иначе. Если Анатолий Михайлович самую ненужную болезнь победил, безо всяких денежных затрат, то американцы поймут, что незачем лекарства придумывать, если русский человек этот СПИД одним взглядом и двумя словами лечит.

Иван придумал приспособление, чтобы болт и гайку делать одновременно. Если болт нужен, то без гайки ему делать нечего. Пришел Иван к главному инженеру завода, показал чертёж, рассказал и на пальцах

показал, чтоб стало доходчивей. Инженер головой помотал и сказал: «Нельзя». В полном смысле, что нельзя. Надо расценки менять. Нужно другие — утверждать. Надо с главком утрясать. В министерство доказать необходимость. Это сколько денег и времени придётся истратить, чтобы внедрить это фиговое рацпредложение.

— Эх, Дураков, Дураков. Кому это нужно? Никому не нужно, — сказал начальник отдела по внедрениям и изобретениям.

Иван, не будь дураком, побежал на другой завод, на пятый, на десятый. Везде ему отказывают. Будто сговорились. Эдисону тоже отказали во внедрении первого изобретения. Он сделал машину по подсчёту голосов на выборах. Такие машины нынче тоже не нужны. Это сколько народных средств можно сэкономить.

Индекс пишем на конвертах, чтобы машина сортировала письма и отправляла в нужную сторону. Так могли бы работать машины и по подсчёту голосов. Не делают таких машин. А почему? А потому и отказали Эдисону в далёкое время, объяснив, что тогда не будет возможности приписывать нужное количество голосов избирателей.

Уехал Иван в деревню. В Америку не поехал. Далёко, да и климат там не подходящий. Приехал к нам в колхоз. Первые месяцы жил тихо. Присматривался. Как присмотрелся, как устроился, так опять за своё. Дураков — ничего не скажешь. Изобрёл машину по сбору колосков. Испытание провёл на бригаде. Парторг и профорганизатор приехали на своих служебных машинах. Председатель на минутку заскочил на поле. Мы тоже там стояли и смотрели, разинув рты.

Машина не очень нам понравилась. Из утиля её Дураков собирал. Не успел покрасить, уборочная страда в колхозе началась. За полчаса машинка всё поле обскакала, все колоски собрала. Чисто. Проверяли товарищи нашего народного контроля. Но какая скирда получилась. Страшно смотреть. Главный инженер за свою голову схватился. Председатель глаза зажмурил. Парторг руками замахал, вроде как крестится — нам показалось. А профсоюз начал что-то записывать в тетрадку, протирая очки.

— Ломай её к лешему! — закричал главный агроном. — Чтобы глаза мои не видели. — Пирамида получилась египетская. Это лишь с одного поля собраны потери.

— А если со всех полей собрать колоски, — сказал Иван. — Можно два года не пахать и не сеять. План по продаже зерна выполним и перевыполним, колхозников зерном снабдим. На одних потерях станем жить, если поедem в соседние районы, в ближние области.

Не понимает Дураков, что сельское хозяйство в нашей зоне рискованного земледелия планово-убыточное. Если урожайность подскочит, то нам и планы поднимут, а дотации уберут. Не даёт он свою машину ломать. Встал с ломиком и защищает

— Зачем уничтожать. От неё польза! — кричит он, отбивая атаки наседающих селян.

— Нельзя! — кричат хором колхозные руководители. — Нельзя нам этого делать.

Психанул Дураков и пустил машину по полю. А там овраг у нас. Машина наворачнулась и сломалась на мелкие запчасти. Все вздохнули. В ладошки захлопали. Рады, что овраг на поле не стали засыпать. Потому что в него в урожайные годы ссыпали проросшую под до-

ждём пшеницу, как это было после подъёма целинных земель.

Теперь за Дураковым следят, чтобы он чего иного не изобрёл. Свалку утиля огородили и сторожа поставили. А где ему взять материал для своих изобретений. Может быть, в другой стране этому токарю цены не было. Получал патенты, денежки текли, помогли ему свою мастерскую организовать, люди следили за его деятельностью, продвигая на рынок новую технику.

До Америки далеко. Очереди до неё на сто лет расписаны, если не пустят внереисовый автобус, то так и будут ждать. Дома Дураков огород пашет самодельным трактором, на рыбалку ездит на автомашинке, которая не то по грязи, по воде плавает. Зимой на охоту на аэросанках носится. Скажу по секрету, на чердаке строит самолёт. Говорит, что в соседний район будет за свежим и неразбавленным пивом летать. Опять ему скажут: нельзя летать без документов.

Нельзя, читатель, написанному полностью верить. Нет теперь у нас в деревне Дураковых. Перевелись. А что Кашпировский уехал, так ему «нельзя» не успели сказать. А может быть, и говорили, а он не послушался. Видно фамилия повлияла на характер экстрасенса.

1978

КАК МЫ НА СЕБЯ ПЛЮЁМ

Да, плюём.

Почти каждый из нас поплёвывает на собственную физиономию. Плюём на себя, но своё здоровье. Едим то, что жуётся, пьём то, что пьётся. Лежим перед телевизором. А чем ещё заниматься? Бизнесом? Это

сложно и доступно не всем желающим. Доступно плевать. Вот и плюём. А ещё плохо отзываемся о здравоохранении. Оно, конечно, оставляет желать лучшего, но что поделывать, если промышленность тоже плюёт на нас и на себя, в том числе.

При чем СПИД? О нём у нас давно все знали. Даже в машинах установили аналогичный прибор измерения, названный в честь будущего прибора, которого всё ещё нет. Нам СПИД нипочём. Там у них за забором, за занавесом всё есть, потому и СПИД. А у нас откуда? От сырости? Он есть, благодаря нашему наплевательству. Нам любое море по колено. Гром не грянет, петух жареный не клюнет. Мы всегда были такими толстошкурными и тугодумами.

В Америке уже курят только тёмные и не сильно грамотные граждане. Остальные давно бросили это занятие. Себе дороже, вероятно, говорят американята. Считают. Понимают. Знают. А любимый Минздрав ласково предупреждает. Опасно это баловство для вашего драгоценного здоровья, да и нам потом мороки вас лечить и выхаживать.

На некоторых предприятиях ввели стимул. Деньги платят тем, кто занимается спортом, кто не курит, кто не болеет. Раз человек уважает себя, раз не плюёт на своё здоровье, значит, его нужно уважать и премировать. Ведь здоровье — это достояние государства. Так как от здоровых родителей возникнут и здоровые дети, которые станут заниматься укреплением экономики без каких либо болезней и больничных листков по нетрудоспособности. Здоровье нации, это и прекрасные дети, которые станут расти в здоровых семьях, где родители не курят и не подвержены алкогольной зависимости. Но! О здоровье семей не очень-то заботятся.

Оказывается, что лучше строить детские дома, специальные школы, колонии по перевоспитанию детей, вырастающих в семьях, где о здоровье не думают.

Вы думает, что нужно доплачивать и за хорошее воспитание будущего гражданина или гражданки, за бессонные ночи, за заботу и внимание? Незнаю. Может быть, и надо. Сейчас стало модно организовывать фонды помощи каким-то детям, отправляя деньги в столицу. Может быть, надо помогать на месте конкретным семьям, конкретным детишкам. Плюнем на это. Зачем суета. Отправим денежки куда скажут. Зачем думать?

А там думают, что-то делают, чтобы оберегать собственное здоровье. У них там есть медицинское страхование. Куришь, выпиваешь, плати больше, а спортом занимаешься, — меньше. А есть и такие как мы, не страхующие собственное здоровье. Может быть, некогда, может быть, туго с монетами. Неожиданно человек попадает на гололёд. На какой-нибудь авеню ломает что-то себе нужное. Что вы решили, что неотложная помощь хватает этого с переломом? Фик там. Страховки нет, а костюмчик шибко давно не глажен, а значит, и кошелёчик сморщенный, как старый огурчик. У нас этого бедолагу поволокут на рентген, там тоже — сразу, если автомобильчик фасонистый, вила у побережья, а посему эти 35-50 долларов — мелочь. Будут снимать его поломку самым безопасным и дорогим прибором. На мостовой не остаются лежать люди, окажут помощь, но не сразу, не бесплатно, а за чей-нибудь счёт. Если при тебе нет наличных или карточки, то из будущей зарплаты удержат за всё.

Скрутило живот. Просто морским узлом затянуло. Аппендицит. Ерунда. Готовьте пару тысяч долларов. Конечно, там у них в палатах телевизоры, коврики.

Одним словом — блеск и красота. Сестра улыбнётся обворожительно. Любой больной жить захочет. Ласково поднесёт пилюльку, поможет рот разинуть, а не свалит на тумбочке на всю палату, на двенадцать человек, дескать, берите, кому и сколько хочется. Понятно, что у них сестрички со знаком качества. Злюку, которая с утра до вечера насвистывает похоронный марш к больнице не допустят на выстрел. Потом и счёт преподнесут за всё за улыбки, за нежную клизьмочку, за видео-телефон. Сутки вам обойдутся от 300 до 600 долларов. Это для среднего американца. А для тех, у кого возможности пошире, то и палаты в полном смысле палаты.

Хотя там деньгами мультимиллионеры не сорят, пыль не пускают в лицо. Очень экономно живут. На дорогие подарки даже родные дети, говорят, не рассчитывают. А посему, там здоровье на первом месте. Думают о своём теле, об организме. Если сам не станешь о нём заботиться, то о нём будут заботиться другие. Не захочешь, а вскочишь с дивана и помчишь в спортзал, хотя там тоже деньги потребуются. А если платить за теннисный корт, за массаж, за тренера, то подумаешь и своих маленьких слабостях и вредных привычках. Дураков нет, чтоб долларами швыряться. Никто после тренировок не станет есть жирное, и курить по пачке в день. Мало таких дурней за бугром. А точнее сказать, что они перевелись, как бизоны и мустанги.

Американские парни и девчатки не имеют привычки на себя плевать. Они думают, страхуются, накачивают в себя в спортзалах здоровье, чтобы потом работать без прогулов по болезни. А прогуливать с похмелья там нет привычки. Никто никого не уговарива-

ет насчёт трудовой или производственной дисциплин. Плакатов никто не рисует, дескать, не нарушайте дисциплину, граждане американские рабочие, работайте с полной отдачей сил. Пашут с утра и до вечера, кушают не час, как у нас, а всего тридцать минут. Успевают. За нарушения увольняют без бесед и предупреждений. У них есть движитель прогресса — безработица. Одного уволят, а на его место уже двадцать кандидатов, которые не желают получать пособие. Каждый рабочий может стать совладельцем предприятия, каждый может стать богачом. Нам этого давно уже не нужно. А там люди о деньгах думают и днём, и ночью.

Придумает чего-нибудь рабочий или инженер, сразу бежит к начальству, объясняет, что его приспособление даст большую экономию и качество повысит продукции. Начальник производства посмотрит на схему, врубит компьютер, по клавишам потыкает. Дождётся результата. А потом вытаскает книжку чековую и выдаст рабочему денежки за старание, а возможно позовёт помощницу или помощника, которые на счёт рационализатора переведёт нужную сумму. Не забудут. Забывчивых, говорят, не держат на работе. А что предложение? Ничего. Выбросит его начальник, как не эффективное. Тогда зачем платил деньги? Затем, что у этого рабочего или инженера не отбивать желание продолжать думать о производстве, о том, как его сделать лучше. В следующий раз этот задумчивый такое придумает, что все деньги окупятся с лихвой.

Мне Иван Ющенко, работавший слесарем-наладчиком в КБО, рассказывал, когда он на заводе в трудился, придумал устройство для увеличения производительности труда. После работы оставался, мастерила. Иван, — человек думающий. Он автомобиль себе

сконструировал высокой проходимости из подручных узлов и деталей. Начальник цеха увидел устройство в работе, обрадовался. «О-го-го, — сказал, — молодец, — сказал, — доработай, оформляй с главным инженером рационализаторское предложение, не забудь в соавторы и парторга вписать, вместе со мной». Начальник записку дал на склад, чтобы покрасить изобретённое устройство. Пришел со склада Иван, а его детища нет. Жалко. Сколько труда вложил, оставаясь после работы, когда его товарищи у пивного ларька воблой сушеной колотили по забору. Старался, чтобы им было легче. Через полгода увидел детище на свалке.

Бросил он это дело — изобретать, а стал, как все, рыбным колотильщиком и пеноскружкисдувальщиком. И сказали ему товарищи, что после внедрения его устройства, снизили бы расценки, повысили норму. Это хорошо, что так кончилось. А если бы не выбросили товарищи приспособление, то пришлось бы Ивану побегать по кабинетам, доказывая необходимость внедрения, А к чему бы привели его поиски справедливости? Никто не знает. До инфаркта могло дойти. Не плюнь он вовремя, не стань как все нормальные люди. Попивает Ваня, а что скажешь, у нас все мастеровитые увлечены борьбой со змием зелёным.

Надо как-то заканчивать этот бессюжетный фельетон, но я забыл один факт. Его нужно поставить в то место, где пишется о детях, о детских домах, о детях-сиротах. Вот подумайте о том, чтобы стало, если ввести расценки на это дело. У нас всё просто с этим вопросом: хочешь — рожай, а не хочешь — твоё дело. У них с этим делом не шутят. Чтобы родить, одного хотения мало. Нужно справками запастись, что у тебя, дорогой жених и милая невестушка, со здоровьем пол-

ный окей, что никто из близких родичей не страдал, не лечился, не подвергался. Когда получили разрешение, нужно приготовить 2560 долларов. Это столько стоит процесс рожания, а еще дородовое наблюдение. У нас этот процесс ничего не стоит. Ходите, будущие мамы на лекции, на осмотры. Никто и копеечки не спросит, а там простая электрокардиограмма стоит 200 зелёных. Это самое дородовое наблюдение стоит 2000 банкнот. Полагаю, там во время родов ключицу ребёнку не сломают, не уронят, сославшись на «стремительные роды».

Это надо же такое придумать. Случается, что говорят роженице, чтобы подождала, так как главный специалист по этому вопросу чай свой с ромом ещё не докушали или вот-вот приедет с партсобрания.

А сколько детей заражают из-за «грязных» препаратов, сколько младенчиков становятся больными от того, что прививку сделали вакциной, которую «везли» в обыкновенной сумке два часа по жаре, находясь в очереди за арбузами, а сколько рожениц простывает в холодных палатах? Статистика умалчивает, а суды не могут расследовать исковые заявления, потому как комиссии из независимых экспертов состоят из людей, которые подчинены единой системе. Как говорится, хирург хирургу печень не выключает.

В нашем сельском роддоме, борясь за статистику, слабых новорождённых быстро спроваживают в детское отделение. А там рожениц не то что плохо обеспечивают надлежащими материалами укутывания детей, а мамы еще должны сами полы мыть. Пришлось лично мне своих детей выкрасть. Родилось их у жены двое. Никто и не препятствовал. Закрыли глаза полами халатов. Была весна. Отопление в палатах не

работало. Написал я о бесплатных родах в газету, а копию послал в «Крокодил». Приехали медики, проверить других медиков. Так ли всё, что написано в письме. Не моют полы роженицы в сельском роддоме. Тепло в палатах.

К вопросу рождения американские девчата относятся вполне серьёзно и строго. Какие шутки. Хочу — рожу, а хочу — государству отдам на воспитание. Как правило, государственное воспитание не отличается высоким качеством. Государству не хочется из своих подопечных выращивать вундеркиндов. Вырос. Иди на завод. Строй дома. Иди и служи. Отдавай долг.

...Но всё чаще раздаются голоса тех, кто предлагает матерям платить столько денег за воспитание и уход за ребёнком, сколько тратится государством на его содержание. Тогда бы женщина не стала ребёнка бросать одного, когда детский сад на ремонте, не спешила бы на работу, а то и на вторую. Если бы у нас были бы такие расценки, то прежде чем жениться и обзаводиться наследниками, годами пришлось молодым копить. А если зарплата средняя? То годам к пятидесяти пара вполне накопит. А там чего думать о детях, когда нужно о пенсии мечтать.

Чтобы у нас было, как у них, нужно зарплату изменить. Чтобы зарплату менять, нужно производство отладить. Кто это станет делать? Специалисты, которые не будут на себя плевать, получив не только диплом, но и знания. Тогда не будем покупать хлебушек за бугром и восхищаться порядком в иностранных магазинах, которые у нас начали открываться. Судя по телерекламе, у нас пока производят лишь пиво, а до автомобилей и пылесосов руки у специалистов не доходят. Сам недавно купил телевизор. Хотел приобрести

отечественный, но когда включили импортный, то пришлось вздохнуть и, хотя за державу обидно, но плюнул на себя, на свои принципы и на горячее желание поддержать своего производителя, и купил телевизор, изготовленный слесарями-сборщиками в Англии.

1987

ЭТО ДЛЯ НАРОДА

(из опыта приватизации)

Приватизация, братцы мои, — это не игра, какая. Это, как праздник, которого долго ждёшь. Я даже свои ваучеры куда-то сунул и намертво забыл. Но! Когда меня с работы попросили, (вахтёром работал последние сорок лет) — вот тогда и понял, что приватизация — вещь серьёзная. Чепухой, сами понимаете, не станут заниматься ответственные люди.

Сижу, значит, у батареи центрального отопления, о своём заводике, который приватизировали умные пареньки, вспоминаю. Тепло было у меня в будке. Пропуска, бывалча, проверял. Месяц сижу, другой. Грустно, братцы, никто с тобой, как прежде, не здоровкается, никто не спросит о здоровье. Лишь собственная старуха каждое утро скоблит, дескать, у других старух старики делом занимаются: ржавыми гвоздями на базаре торгуют.

И придумал — крыльцо приватизировать своего двадцатиэтажного дома. Пошел куда надо. Мне сказали, что если не запрещено, то скорей всего, разрешено. Бумаги выправил — всё чин-чинарём. Других пенсионеров подбил на это дело. Собрались, провели совещание крыльцедержателей. Протокол, повестку — всё, как у людей.

Отремонтировали входные двери. Закрасили в подъездах срамные слова. Лампочки ввернули целые, чтобы светло стало. Цветы на полочки поставили из своих квартир. Постарались ликвидировать привычные запахи в лифтах.

Внучок нам решетчатые двери сварил за пару литров спирта «рояль». Замки поставили. Конторку я организовал, как у меня на заводе была на проходной. Из детских телефонов связь провели. Свой телефон из квартиры на длинном шнуре вынес. Вдруг кому срочно приспичит с кем-нибудь связь поддержать. Жильцы довольны. В лифтах никто из посторонних не мочится. Светло и радостно всем. Через неделю повесили мы в своих подъездах объявления о приватизации. Собрались прожигальщики. Я речь сказал. Соседи, которые друг дружку годами не видели, познакомились.

— Дорогие мои, — начал я

— Ближе к делу. Футбол начинается. Говори сколько платить. Учти инфляцию, чтобы потом не было разговоров о доплате.

Цену я назвал смехотворную, просто неприлично маленькую, как пенсия у моей старухи, но не по размеру, а по смеху. Меня соседи на место поставили. Ноль добавили. В подъезде сто восемьдесят квартир. Перемножил в уме. Улыбнулся от полученного результата. Попросил принести фотокарточки для пропусков, пока не привыкну ко всем. Попросил ещё написать списки гостей, если абонемент придётся выдать, чтобы с личностью не возиться. Сначала не поняли, что мне придётся отвечать за поставленные на хранение детские коляски, игрушки, велосипедики, чтоб их не таскать по лестнице, а гости могут приехать на автомашине. Где её поставить, чтобы мальчишки не запачкали

стёкла, не сняли зеркала или магнитофоны? Нужно огораживать место стоянки, нужно следить за чистотой. Порешили, отвести место и собачатникам, чтобы каждый за своим братом меньшим убирал оставленные абстракции.

Детская площадка у нас была у дома, но только на проектной документации. Дети и собаки гуляли вместе. Мы решили их разделить. Собак отдельно, детей в другую сторону.

Дамочка из пятнадцатой замялась. К ней представительный господин на примерку приезжает. Она ему пальто третий год шьёт.

— Не волнуйтесь. Тайна вкладов, то есть посещения, будет строго соблюдаться. Также обещаю, что мебелишку никто без вашего разрешения письменного не упрёт.

— Когда мой на рогах придёт, так не пускайте, Петрович, — попросила одна быстроглазая особа.

— Насчёт рогов? Незнаю. Сами скалкой сбивайте, чтоб не тяжело было их супругу носить. Если человек с пропуском — обязан пропустить.

Что на ногах нетвердо стоит, так может быть, у них на винзаводе земное тяготение испортилось или грипп человек словил в общественном транспорте. Сейчас всё можно подцепить.

— Уроки у Витюшки мово проверите?

— За милую душу. Ток доверенность выпишите, чтобы мальчик не отбрыкивался, чтобы не говорил, что не имею права. Я и в дневник загляну, и в карманы, чтоб не курил всякую дрянь.

Грешным делом, думал, что орать станут, возмущения говорить с выражениями недовольства. Народ хорошо понял свою выгоду. В прошлом году из

тринадцатой всю мебель вместе с книжками и простынями вынесли неизвестно куда. Один сосед так и сказал строго: «Мало берёшь, Петрович». Народ одобрительно загудел. Мужик этот, хотя и худоват, но часто в «командировках» бывает в соседнем подъезде. Пообещал тем, кто часто отлучается, ключи сделать личные. Но решил не делать — потеряют или кто с них сделает дубликат.

Заходил как-то один малосимпатичный парень. Стал проситься к Ивановым, выдавая себя за племянника из деревни. Я помню — из деревни, которые с одной маленькой сумкой не приезжают. Посмотрел в картотеку. У наших Ивановых, если и были родственники в деревнях, но дожили только до коллективизации.

— Хорошо, — говорю, становитесь, родственник из глубинки к стенке, стану карточку снимать на временный пропуск, а потом отпечатки пяток сделаем. — Не стал разуваться. Ушел быстро, но с обиженным лицом почему-то.

А вы всё сидите, что кто-то будет о вас думать и заботиться. Можно дверь в аптеке приватизировать или кресло в роддоме. Не привык ещё наш народ к приватизации. Норовят даром дышать, рожать, ходить. Скажу по секрету. Налоги скоро введут на поцелуи. Не зря же комиссию по этому вопросу организовали по регистрации количества поцелуев на губы населения. Так, что граждане, целуйте своих гражданок интенсивно и впрок, не забывая о качестве. Шибко дорого этот процесс станет обходиться. ...Зря так улыбаетесь. Если за рождение ребёнка будут через три года платить одному родителю. А откуда деньги брать, если все старушки станут ходить беременными? То со второго ро-

дителя мужского пола налоги за процесс поцелуев начнут взимать.

У меня все соседи по дому начали приватизацию. Кто садовый участок приватизировал, кто велосипед, кто свою умственную способность, а у кого ничего не оказалось ценного, так детей приватизировали собственных, так сказать, в личное пользование. Моя одна соседка приватизировала у себя всё — садовый участок, швейную машинку, велосипед и мальчишек. Вчера повестка пришла старшему. Приглашают куда-то на два года. Женщина пошла к ним объяснить, что одна двоих мальчиков вырастила на свои зарабатываемые деньги. Пальто одно по пять раз перелицовывала. На пособие, что платило государство, можно было полботинка купить. В школе гастрит заработал, зрение у него упало, не говоря уже о нервах. «Теперь, когда пацан вырос, задарма хотите получить и бесплатно эксплуатировать, называя это священным долгом и святой обязанностью? Дармовая сила потребовалась дачи строить. Кто мне убытки возместит, если моя собственность получит увечье или плохому его там научат. Лучше я его в аренду сдам какой-нибудь женщине приличного вероисповедания и кроткого поведения. Она его будет беречь, как свою недвижимость, эксплуатируя согласно моей инструкции...».

Приватизация — это для народа. Грех на жизнь жаловаться. Старуху с внучкой давча на Багамы послал. Пусть порезвятся. А то ведь, говорят, что всё опять как-нибудь взад возвернут, дескать, и этот НЭП тоже станет иметь свой конец, тут и о приватизации придётся забыть.

О СИМВОЛАХ

Как увижу эмблему единства крестьянства и рабочего класса, так сразу от чувства гордости мурашки по коже бегут. Техническое средство, не дававшее на нивах потерь, — серп и, не потерявшее веса на мировом рынке орудие, — молот очень хорошо вместе смотрятся. Отличная композиция, товарищи дорогие! По отдельности — так себе, а вместе — да! Впечатляет. Как хочешь, так крути, а композиция.

В армии, помню, звёздочка у меня на пилотке перевернулась, и серп с молотком бочком легли. Я себя не вижу, а если вижу, то на детали особого внимания не обращаю, а старшина обратил. Естественно, наряд дал безо всякой очереди. После этого наряда стал на разные эмблемы внимание обращать.

Много у нас в армии разных символов. Была в наших войсках эмблема — скрещенные лопата и кирка. Долго думал над тем, что эти предметы символизируют. Зимой мы копали землю не только лопатой, но и металлическим клином и молотом. Ставит коллега в нужное место клин, а ты по нему стараешься попасть символом. Хорошо у некоторых получалось. Кирками мы тоже научились работать. Подумал, что эта эмблема символизирует универсальность и умелость солдат. Отдельные войска, как пустят, так о-го-го, сколько много народных денег летят куда-то, а мы кувалдой, то есть молотом тюк да тюк — ничего с народа не тянули. Говорят, что наши мирные войска упразднили. Хотя это была школа, в которой мы специальности получали, которые после службы очень пригождались.

Кто за три года виртуозно освоил молот, тот на заводах в кузнечных цехах работал, а кто отлично с но-

силками управлялся, те на вокзалах до сих пор носильщиками работают. Куда, скажите, отправится на гражданке стрелок-радист? Правильно. В тир, а если тира нет, то в радиодикторы.

Воспитание — это в армии главное. Отдельные солдатики не имели привычки кушать некоторые продукты, которые вроде как запрещались по ихней вере. Как раз и кормили их постоянно этими запрещенными продуктами. Перевоспитывались. ...Кушали. Выбора не было. Баранину не завозили в солдатскую столовую.

После службы я сам себе дом построил. Не стал стоять в очереди на бесплатное жильё. Дом — это мелочь. Не такие сооружения доводилось сооружать днём, а вечером я в вечернюю школу ходил, курсы водителей на втором году службы закончил.

Сейчас работаю в колхозе трактористом. Тот же автомобиль, но на гусеницах. Пашу, сею, убираю комбайном то, что вырастет. Если урожайный год на свёклу, то свёклу копаю, если пшеница уродится, то на комбайне молочу. Работы в колхозе завались. Рук не хватает. Поэтому осенью у нас возникает всегда единство. Не символическое, а самое настоящее, как говорят, реальное. Представители рабочего класса едут к нам из соседнего городка расправляться с урожаем. Девчата на токах отлично гребут пшеничку деревянными лопатами, орудуют метелками и почти не курят в рабочее время, а пьют, так только газировку, если на бригаду автолавка заскочит из кооперации.

Почему девчата едут к нам? А какой мастер пошлёт токаря или фрезеровщика, оторвав от станка с числовым программным управлением? Нет таких. Посылают тех, без кого можно тянуть план завода. Девушки привычны к символам женственности. Поэтому

безропотно идут на тока и радуются, что их не посылают колоски собирать — вот где бы девки насаду заработали, ведь потери, товарищи дорогие, у нас не символические. Беречь нужно молодое поколение. Им снова замуж выходить, кто не успел выйти. Какой муж отпустит молоденькую жену биться за урожай, соблюдая день и ночь единение рабочего класса и крестьянства. На фронт жену не каждый молодой муж пускает. А только бывший. Разведённый.

У нас везде передний край, сражения, битвы. Сами понимаете, что вся жизнь труженика — борьба. Носки надо выбить, трусы и простыню выдрать, курить стрельнуть. Девушки хорошо соблюдают единство и участвуют в битве за урожай. Мне это хорошо видно. А с командированными шоферами просто беда. Не со всеми, а только с теми, у которых автомобили могут самостоятельно перевозить зерно, силос или солому. Поля у нас уже на Алтае поделены на клетки, которые обсажены аллеями из клёнов, берёз, облепихи, яблонек мелкокультурных. Почти все поля просторные — гектаров сорок, семьдесят. Но командированные парни не уступают дорогу. Идут на таран, бодают друг дружку, язвы их, бьются за урожай, а иногда с тяжкими последствиями. Понятно, что у нас на бригадах не очень устроено, дискомфортно на почве сухого закона. Банька есть, а пива нет. Скучно товарищам становится, хотя простыни выдают каждую неделю белого цвета, но они после сапогов, а точнее, сапог, становятся темными. Мало отдыхают товарищи. Нет времени во время битвы разуваться. Лягут на полчаса, покемарят и опять единство показывать в полном объёме, сражаться на полях и дорогах, с географией погребов и сараев знакомиться. Единство!

Рабочий класс старается. Технику нам делает. Умные товарищи сидят там где-то и грани стирают. В поте лица у всех. Грани выпирают жутко сильно, а сел убавляется. На картах еще есть, а в реальности нет. Школу закрыли, магазин перестали отапливать. Населённый пункт становится символическим.

Техника от битвы быстро выходит из строя. Бежишь к механику просишь запчасти. Он начинает говорить про единство. Через день находишь старый комбайн и ночью открутишь чего надо. Опять же символ всегда под рукой, если гайки заржавели.

Пришел вчера ребёнок из школы. Говорит, дескать, папа, сколько мы должны, если колхоз должен государству семь миллионов рублей? Задумался. Начал успокаивать мальчика, поясняя, что это такой символ. Это нам должны. Каждой семье по семь миллионов. Ты в школу ходишь с сестрой. До школы три километра. Никто не хочет детей возить. Мама ваша начинает свой день от печки, так как газ провели в соседнее государство, а до нас трубок не хватило нужного диаметра. Я вас полгода не вижу, так как живу в посевную, в сенокос и в уборочную в степи. У нас в деревне строятся дома, но водопровод и канализация остались на бумаге. Пришлось каждому новосёлу конструировать и копать свои системы снабжения водой.

Пшеницу приходится дробить и кормить поросят, так как комбикорма, содержащие траву и полону, очень дороги и достать их не всегда удаётся. Зато в городских столовых столько остаётся кусков хлеба, что некоторые толковые руководители открывают свои свинокомплексы. Успокоил сына, попросил его хорошо учиться и получить специальность конструктора телевизоров.

Единство у нас соблюдается регулярно и систематически. Пролетариат из города едет к нам в бор (у нас лес под боком растёт реликтовый из сосен, грибов и берёз) подышать, боровиков пособирать, посуду стеклянную поколотить. Мы едем в город за сметаной, за колбасой, имеющей высокую цену, которая называется кооперативной. Простой сторож мясокомбината получает продукты свои по госцене, а потом снабжает сосисками соседей и родню, выполняя свою продовольственную программу.

Доярка, добывающая круглый год молоко в резиновых сапогах, едет в город, чтобы купить сыр, кефир, сметану, соблюдая единство. Кое-где это единство стало пропадать. В магазинах требуют от свинок и телятниц паспорта, говоря, что продавать ничего не сможем из того, что вы произвели, так как у вас прописка не соответствует нашим требованиям, не вздумайте приезжать за портфелем к школьнику или за пуговками к халату.

У нас еще крепкое единство, потому как наши символы ещё служат, как старое и надёжное оружие.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ

Мне, что арендный подряд, что хозрасчёт — никакой разницы. Я в этих экономических туманностях не соображаю, как говорят, ни уха, ни рыла. Когда в прошлом году нас собрали на полевом стане и сказали, что будете трудиться на аренде, а я даже психовать не стал, как некоторые наши колхозные горлопаны. Так бы и жил в темноте, как суслик зимой, но после одного события в семье, словно прозрел, словно два года походил в кружок политэкономических знаний.

Прихожу с работы. Зимой я в мастерской трактора ремонтировал. Разберём с ребятами свои трактора, а потом собираем до самой весны. Если узлы и детали не растеряются, то можно и землю боронить, сеять и править колхозные дела. Прихожу домой. И в обморок чуть не упал. Не научился этому ремеслу. Избу свою не узнаю. В общих чертах понимаю, что ошибки нету, домой пришел, а вот в деталях не могу сообразить. Выпили-то мы немного — по тракторному отстойничку на человека. Это такая стеклянная баночка с круглым доньшком. Через неё дизельное топливо течёт. Тяжёлые фракции из солярки в нём собираются. Мы взяли со склада новенький «стакашек» и проверили герметичность.

...Всё в кухне на месте: на полу ни соломинки, дымом не пахнет, а только курами, что под печкой зимой у нас живут в целях усиленной яйценоскости. Иду, разувшись, в зал. Там — ужас тихий. Телевизор стоит на тумбочке, а не на комодe. Даже на люстре никто из пацанов соседских не качается. Мои оторвижники с чистыми рожицами уроки делают. Ничего не подожгли, никого в печь не затолкали. Это когда они играют в индейцев, то пленных в печь садят. Там у них кпз, так сказать. Сел я на пол и соображаю: что делать, и кто виноват? Дети могли заболеть. В наше время это очень даже запросто может случиться. Так я думал, когда они на себя всю душегрейность надели и даже мои старые свитера, в которых я на тракторе работаю осенью. Оказалось, что у них такая игра — «Покорение южного полюса на собаках и поросёнке». Хотя была мысль, что у них в школе авария на котельной. Потому что кто-то из наших видел чучело динозавра, голосовавшего на автобусной остановке.

Ёжику понятно, что в классе биологии холодниковый период наступил, раз чучело снежного человека в бор побежало вместе со снежной бабой, которая стояла раньше на спортивной площадке, то, каково там разным теплолюбивым зверюшкам? Обошлось. Котельная работала, как часы, а вот селяне чего-то скушали не того, что надо. На грибы грешили. Экология за деревней шибко стала не экологичная. Арбузы не растут, а какая-то неизвестная старушкам трава дуром прёт по улицам. Толстая, как бамбук, твёрдая — и коса её не берёт.

Жена пришла. Как обычно, — задержалась. Зашла и сразу хотела выйти, но не успела, её старшая дочь ласково ухватила за рукав. ...Потом пришили на машинке. Средний сын помог маме остальное пальто снять. Младший и младшая тапочки приволокли быстро так.

Жена и сапоги не успела снять, как уже в тапках была по самые колени. Валерьяновки она для приличия хватанула, чтобы ей в себя совсем придти. А дальше и началось всё это. Сказать неудобно. Виктория наша говорит не своим голосом. Наслушалась телевизионных певиц.

— Вы мне за организацию этой акции должны рублёвку. За наведение порядка и руководство товарищами по квартире — ещё. За непосредственное участие в процессе мытья полов и удаление пыли посредством пылесоса — премия. Лёньке, согласно его умелости и смекалке, когда он из садика вёз на санках и успокаивал Машу и Сашу — два рубля. Близнецы дважды просились на горшок, чем сэкономили стиральный порошок, электроэнергию и воду, не гоняли кошку клюшками. За это им по рублю. Дорогие родители,

итога, с вас причитается, — дочь показала ведомость. Жена взглянула и подписала.

Она от природы умница. Другая бы баба-женщина взяла ремень или еще, какое средство воспитания и всем — согласно коэффициента участия. Наша мать улыбнулась, отдала ручку. Забыл это событие, так как по телевизору показывали кинофильм о том, как правильно нужно плакать богатым. Кошка принесла мыша и положила около печи. Вика говорит, что кошке тоже нужно доплачивать за опасную работу.

— Мышь могла бы её укусить, — налила ей молока во вторую миску. Ужин прошел степенно и без незапланированных событий. Когда все смогли очистить свои тарелки, стаканы. Нина сказала:

— Вкусно? ...Платите за борщ, за картошку с мясом тушёную, за компот и за пироги с калиной. А ты, — обращается ко мне, — за три кружки компота, должен дополнительно один рубль семьдесят копеек.

— Что за цены, дорогая? У нас в мастерской в десять раз ниже стоит компот. Воду я носил в обед. Калину рвал тоже сам и вас возил на автомобиле. Муку грузил на мельнице. Соль и сахар принёс на той неделе по четыре килограмма.

— А кто стоял в очереди четыре часа? Кто дрова принёс? Кто мясо рубил? Никто мне не помог. Все смотрели на Сабрину в шортах.

В мой огород каменюка. Шорты у неё впрямь ничего себе. Добротные шортики, надо признать. Хотел книжку почитать приключенческую, которую мне кум дал на два дня и три ночи, но раздумал. Пошел на улицу, принялся снег убирать, корове корм на утро готовить, а заодно навоз вывез в старом корыте на огород. Всё это я делал рано утром. Кое-что в обед, когда

светло и всё видно. Воды припёр десять ведер — водопровод что-то перемёрз где-то. Три охапки дров определил за печку, пару ведер угля нагрёб в углярке. Мясо порубил, и сесть собрался картошку чистить, но все свободные места были уже заняты. Леня пол в сенях подмёл — я малость насорил. Половички встряхнул и собаку накормил. Нина хотела что-то сказать и не успела. Саша и Маша сами пошли в спальню укладывать себя спать. Леонид с Викторией быстро начистили картошки, занялись сбором учебников к школьным занятиям.

Смотрю, Виктория режет плотную бумагу на прямоугольники, а потом написала на них цифры. Так у нас появились семейные деньги — валюта, именуемая «Су». Фамилия у нас — Сухарёвы. Жена разработала ведомости на зарплату, утвердила расценки на произведённые работы.

И пошло с того вечера и поехало. Экономическая игра увлекла. Раньше я частенько диван давил после обеда в выходной день, а теперь с сыном работаем в мастерской, которую соорудили в летней кухне. Наличники делаем, резьбой украшаем, скамеечки соорудили соседям — попросили. Никогда снег на огороде не задерживали, а теперь установили из штакетин. Дети учиться стали на отличные отметки, книжки в шкафах перебирают, прочитанным делятся. За каждую пятерку мать им по полтиннику начисляет, а за каждую тройку — высчитает.

Полтинники пока бумажные, но по итогам года придётся в настоящие деньги переводить. Недавно сын аванс попросил, говорит, восьмое марта близко, надо подарки выбирать в городе, а бензин опять подорожал. Правильно парень мыслит. Меня обгоняет в вопросах

заработка. Пока я на работе, он у скотины уберёт, корм задаст, воды натаскает. Доить научился. Глазам своим не поверил. Материну шаль надел, фуфайку и смело так подходит к корове. Корова его знает, но он ей кусок хлеба подаёт в обмен на доброе отношение. Так и договорился. Инициативным сын растёт. Все мои фонды позабирал. Думаете, прилично жить без зарплаты? Но я лишь два раза ходил на рыбалку и взялся баню рубить соседу вместе с летней кухней.

Недавно Нина говорит, что бумага жесткая кончилась, из которой Виктория деньги вырезала. Странно, размышляю я. Большой такой рулон приносил со склада. Замечаю, что у дочери этих «денег» полный бабушкин ридикюль.

— Откуда — спрашиваю, — у тебя столько валюты? Может быть, ты взятки берёшь с младших? Покрываешь ихние действия в садике?

— Надо, папа, следственную комиссию организовать и разбираться с этой теневой экономикой и коррупцией.

— Налицо мафия, — согласился я.

— А я буду голосовать за реформу, — отчеканил сын.

Такое началось. Лёшка написал воззвание к народу. Требуется собрать референдум и распустить правительство, потому что оно потакает отдельным любимчикам, которые таскают деньги целыми сумками.

Маша сказала, что Виктория стригла новые деньги, дала им немного поиграть, а потом забрала. Вот почему началась инфляция. Вот кто ви — новат. Лёша выпустил экстренный номер семейной газеты, в котором опубликовал фотодокументы, как Вика с подругой рисуют деньги.

Не знаем с женой, что делать. Игра понравилась. Не хочется из неё выходить, но понимаем: дочь деньги добровольно не сдаст, так как она против реформы. Понял я, что с деньгами, какие бы они не были, надо обращаться бережно: нарезать можно уйму — вагон и маленькую тележку, а как товаром обеспечить? Сидим и думаем. Жена предлагает расценки снизить, а я — стою, как и сын, за реформу. Виктория пугает дефолтом и выступлениями тех, кто мало получает за свой труд, потому как у них нет возможности зарабатывать больше. Намекает на Машу и Мишу. Полагаю, они не станут выступать. Что им ещё надо? Сыты и одеты. Все одинаково богато жить не могут.

ЛЁГКАЯ РУКА

Было время, когда товары и предметы первой необходимости, рабочие люди не могли купить. Ударникам труда давали талоны на ковры и автомобили, записывали в список. По очереди, бесплатно выдавали и квартиры. В каждом селе шло строительство. Пятнадцать, двадцать семей могли стать новосёлами. Начавшиеся перестроечные реформы, открыли новую форму торговли. В организациях распределяли талоны на сахар, на масло, на папиросы, на мыло. Особо дефицитные вещи получали счастливики, вытягивающие счастливый билетик. Об этих лотереях как-то забыли, но, просматривая рукописи, обнаружил зарисовку.

Сейчас, после обмена пятидесяти и сторублевых бумажек, нашего человека трудно, чем удивить. Но вот вчера колхоз наш обнесло новостью: Андрей Кошкин — экстрасенс. Кто губы кривил — обои сразу, кто плечами дёргал. Знали Андрюху. Хорошо. Специалист

был по литрболу. Результаты показывал отличные. Мог бы выступить на Олимпийских играх. Но там, в комитете не могут решить, как очки начислять, а то бы с медалями приехал и в лавровом хомуте. Вот бы Юлька обрадовалась — на сто лет хватило бы лавровых листьев. Это ж, какая экономия для семьи?

Я тоже не поверил. Кошкин — экстрасенс. В НЛО, что над деревней от нечего делать два часа болталось, сразу поверил. Кто-то говорил, что это пузырь мыльный из бани вылетел Машкиных, когда они самогон гнали, и для отвода глаз участкового головы мылили.

Сосед говорил, что этот шар походит на фужер, но с очень прозрачной ножкой. Я и сам хозяин своим глазам — вечером над логом три фары светящихся видел. Пока думал, почему три, а не четыре, они поехали в сторону мастерской и погасли. А насчёт Андрея — что-то сомнительно мне. Но кум Ваньша убеждал вчера и рассказывал, что у них на ферме эти чудеса и происходят.

Кошкин на ферме скотничает — коров содержит в чистоте, корма подвозит на лошади, летом пасёт стадо. Много чего делает по своим обязанностям. Когда трезвый, горы свернёт навоза. Бульдозер не нужно вызывать.

Рассказал в общих чертах кум о событиях, которые потрясли молочно-товарный коллектив фермы номер один, почесал лысину, кинул взгляд на висячий календарь и проронил:

— Приходи десятого к обеду. Сам всё увидишь и напишешь в газету о феномене Кошкина. Хотя мне кажется у Андрюхи рука такая — лёгкая.

Дождлся десятого числа. Такое увидел, дорогие читатели, что — о-го-го. Вы знаете, надеюсь, что к азартным играм и прочим рулеткам добавили ещё одну. Назвали её разработчики — «дёргай». Игра так себе, немного азартная, но грустная, как и лотерея, когда за рублёвку предлагают всем одни и те, же выигрыши, которые будут доступны единицам, так как все остальные игруны и сбросились на эти самые вещи и деньги. Но с одной сторону вроде, как и справедливость, а с другой — печальный стыд. А ну, как придётся и получку одну на всех дёргать. Может и невест с женихами таким путём распределять. Грустно оттого, что большинство участников этой игры ничего не получают, кроме как стартовой лихорадки.

В начале игры у всех одинаковые возможности и одинаковые желания стать счастливым обладателем пары женских сапожек, которые давно не появляются не только на прилавках, но и под прилавками. Пара одна, а ног в коллективе много. Хотя, когда я эту игру изучил, то выяснил сапожки одного школьного размера, крестьянкам с молочно-товарной фермы ни под каким соусом не полезут на мозолистые пятки. Грустно ещё и потому, что ничего не выдергивается, и посему ходят женщины в резиновых сапогах или калошах, а головы моют ввиду отсутствия шампуня, каустической содой. А стыдно ещё и потому, что вдруг товарищи из высоких органов будут появляться на телеэкранах в таком виде, как и многие труженики села — в фуфайках и штопаных майках, но пока, похоже им всем как-то везёт, так как выдёргивают они нормальные костюмчики, приличные рубашонки и даже галстуки на каждый день разные. Везучие товарищи. А может быть,

они все экстрасенсы, как и наш известный скотник Кошкин.

В тот день на ферме дёргали одну пару кроссовок. Сорок номерков кинули в шапку, и каждый получил свою очередь, свой счастливый номерок. Потом вновь учётчик нарезала из своей тетради сорок бирок, которые скатали в трубочки. Заведующая фермой Мария Прокопьевна Зырина вытащила один рулончик, развернула и написала слово: «кроссов». Аккуратно свернула и кинула в шапку. Вдруг Дуся Никитская заговорила лёгким баском:

— Не доверяю этой шапке. Пусть сменят на шапку зоотехника. У него шапка новее, — шапку быстро сняли с молодого зоотехника, пересыпали в неё все рулончики.

— Следи внимательно глазами. Приготовь фотоаппарат, чтобы заснять процесс экстрасенсорики. Видишь, никто не идёт. Чтобы не терять рабочее время, заведующая распорядилась пускать вперёд Кошкина. Хотя у него всегда первый номер.

Кошкин подходит к членам тиражной комиссии, подаёт свой талончик. Ветврач вздыхает и допускает Андрея Наумовича до второй шапки. Тишина рухнула. Было слышно, как под полом красного уголка голодная мышь грызёт что-то твёрдое. Вынул Кошкин трубочку, не глядя, подал Марии Прокопьевне. И та развернула клочок бумаги, на котором стояли заветные буквы.

— Опять, — прошелестело в зале и доярки потянулись к выходу.

— Экстрасенс. Телепат.

— Сколько не играй, а Кошкин своего не упустит, — говорил пожилой фуражир ночному сторожу.

— Везучий, как министр. — Сказал кум, когда мы выходили из тёмного коридора. Доярки загомонили. Я придвинулся. Воронина Даша подала Кошкину что-то завернутое в газету, а тот повесил ей на плечо связанные кроссовки. Конечно, Даша должна ещё будет внести в кассу торгующей организации стоимость обуви, в которой сегодня придёт на дискотеку, вызывая зависть у подруг и друзей.

— А если коллектив запретит ему играть?

— С парткомом согласовано. Он же не себе. Вещи отдаёт коллегам. Но за свой талант берёт. Такса одна, сам понимаешь, бутылка водки.

— Что ж получается? Экстрасенс у вас в колхозе распределяет дефицит?

— Не он один. В инстанциях тоже сидят экстрасенсы. Они за край наш беспокоятся, кто за район, кто за село, кто за бригаду, за ферму и завод.

— Он ещё и взятки берёт с селян?

— В коллективе своя очередь. Кому что надо, тот и стоит на очереди. Очередь на кроссовки была маленькая. Никто и не знал, что это такое. Дашка знала. Есть очередь за туфлями, за коврами, за путёвками в санаторий.

— Он ещё и взятки берёт?

— Ну. А ты знаешь, что когда первый раз дёргали, так передрались, коров подоили за полночь. Милицию вызывали и «скорую помощь». Время рабочее экономится. Видишь, как всё быстро. Пять минут и — за работу. Главное — что? Работа. Дисциплина и порядок.

Подумал, что и за министра кто-то должен дёргать. Времени рабочего у него мало, но вот где они талоны берут на водку в таких количествах, чтобы рас-

считываться с экстрасенсами? Нам дают по бутылке в месяц, а им должно быть побольше.

ГОРЬКИЕ ПЛОДЫ

До перестройки пили мы пиво с Витьком с великим удовольствием. В глазах светилось настоящее счастье. Пиво тогда мерили банками, а не какими-то «полторашками», залягай их комар.

Выскочишь из очереди с заветной баночкой, засунешь рубашку в остатки штанцов, подберёшь свои и чужие пуговицы под ногами, глонёшь на ступенях пивнушки прямо из банки на зависть последним в очереди вожаделенную жёлтую, пусть не в меру разведённую, влагу и таким себя почувствуешь счастливчиком, что грудь распирает от нестерпимой гордости.

Победоносно поглядывая на неудачников, принцем прошествуешь до хаты, где тебя ждут истомившиеся гости и страдающие от неведения домочадцы. Жена с порога кухни бросается на шею, словно ты вернулся с Грюнвальдской и Полтавской битв одновременно. Дочь к синяку старинный заветный пятак прикладывает на верёвочке. Тёща за машинкой, как за пулемётом сидит, чтобы рукав на место присобачить. Высыпаешь перед ней горсть пуговиц, достаёшь из кармана опять не свой рукав и снимаешь «пивной» пиджак, как продранный боевую кольчугу. И не удивляешься, что на ногах не тапочки жены, в которых отправлялся в поход, а чьи-то самоклеенные калоши из автомобильной камеры, протёртые на пятках до дыр.

— Да, — восклицал обычно кум Витёк, — Ёлкин дед! — и чешет свой механизаторский затылок, крестьянского происхождения. — На прошлой неделе у меня

канистра сплющилась в очереди о чей-то зад. Мы бережём этот травмированный сосуд. Реликвия, блин. Память о том суровом счастливом времени, когда можно было устроиться на работу в любую организацию.

А сегодня, что? — спрашиваю, вас, любимый читатель, любимой газеты, переставшей выплачивать гонорар по причине того, что не знают моего адреса и не видели моего нового паспорта. Сегодня, как простой обалдуй, то есть покупатель, подходишь к прилавку, с мукой и стыдом, в скуке и одиночестве подаёшь посуду. И никакого чувства локтя — ни очереди, ни друзей, с которыми можно поговорить о проблеме бесплатной доставки газа в любимые европейские государства, возникшей на украинской почве, то есть рэжете, хотя в наши хаты не собирается никто эти излишки газа сбрасывать.

Как, дорогие земляки, такое пиво пить прикажите? Давишься неразведённым, без боя купленным пенным, свежим напитком. Вот они плоды реформаторов, забодай их комар. Простое пиво продавать разучились, а о других товарах и говорить нечего. При социализме я себя уверенно чувствовал. Не унижали так рабочего человека. Любили.

ОЗДОРОВИТЕЛЬ

Сидим с Витьком и выпиваем, разговоры разные разговариваем и сушёных гольянов лущим, как креветок. Тогда ещё в озере гольяны исправно водились. Чего там гольяны! Окуни выгуливались со сковородку тефалевую. А лини? Лини с отчаянья и желания посмотреть на мир, сами в мордушки набивались по очереди. Не в линиях счастье.

В том самом году, когда мужчина с «брони» говорил о народном благополучии и суверенитете; по линии профсоюзной нашего, ещё дышащего колхоза, довелось попасть в санаторий по горячей путёвке, где мои зашлакованные почки лечить шибко захотели.

Вода, сами знаете, у нас к счастливой жизни не предрасполагает, её и в систему охлаждения двигателей внутреннего сгорания главный механик запретил заливать, а пить её можно. Жидкая до самого дна стакана. А что урон наносит внутренним органам колхозников, так это мелочь, как говорит, Витёк, семечки.

— Надо, — говорит, по утрам перед физзарядкой принимать стопарь самогона, — Так он систематически делает, потому, как научно вывел, что сивушные масла не дают образовываться в органах стройматериалам — ну, там гравий, щебень и прочий песок. Витьку не все у нас верят, но большинство на его стороне. Последователи здорового образа жизни стремятся избавиться от зашлакованности. Я тоже был твёрдым в этом движении членом, пока не схватило.

Рассказываю Витьку, как над больными опыты делают, незаконно заставляя, есть каждый санаторный день икру. Травят больных, сокращая численность лечащихся. Добро бы баклажанной...

Лечимся на полную катушку. Гольяны икряные попадали тогда. Профилактику, так сказать, проводим от разных современных болезней. Витёк дошлый у меня сосед. Одних журналов выписывал три штуки тогда — «Весёлые картинки», «Работница» и «Здоровье».

— Узнал — говорит, — секретным путём, что треклятые сивушные масла ещё и рост раковых клеток в органах тормозят с полной уверенностью. Оно и понятно, отчего преследовали всех, кто гнал, кто пил и

кто хотел гнать. Эти дорогие сивушные масла, не дают возможности развиваться раковым амёбам. — Мы в тот день научно посчитали, кто у нас, отчего зажмурился в последнюю пятилетку. С перепоя — да, но чтобы из тех, кто дорожит своим здоровьем, умер от этого рака, увы — таких у нас в районе нет. И в соседских тоже не наблюдается.

— Сила в этих маслах есть лечебная, есть смысл не очищать ни марганцовкой, ни обратом. — Народ перестал самогон очищать. О здоровье своём заботится. Все знают два закона, открытые Витьком. Гоним его теперь из всего, что попадёт под руку. Талонов не наберёшься на сахар, а вот патоку можно купить на ферме. Её туда стали завозить коровам, чтобы молоко стало сладким. Покупаешь не за дорого флягу и разводишь с дрожжами. Дальше, как положено, о здоровье должны все думать своём.

ТРЕТИЙ ЗАКОН

Это сказал Витёк утром, спустя неделю, после взятия Белого Дома, когда мы, как и весь народ, лежали перед телеэкранами, обороняя, а кто и наступая. Тогда мы выпили полулитровую банку настоя девясила. Кричит Витёк «Эврика»! Это означает, что он что-то забыл.

— Хочу тебя проверить, — говорит медленно сосед. — В прошлый раз ты рассказывал, как выживал в санатории, спасаясь от икры. Уж не врал ли ты.

— Не брезгливый. Проверяй. Сколько нравится.

— Погляжу, как станешь реагировать не на словах, а на деле.

Приняли ещё лекарство от жёсткой воды, от раковых образований. Согласно законам. Витёк ушёл. Не

долго возвращался, но вновь прибыл, но с трёхлитровой банкой розоватого продукта. Поближе увидев, понял — настоящая икра.

— Давай пустую банку, не во что огурцы толкать. Помидоры сегодня мариновать хочет Нюрася моя. Травись, болтун, а мне жить охота. Привёз брат жены. Пробовали. Не идёт, — ехидно посматривает в мою сторону. — Цыплятам давали. Их тоже выворачивает, как и меня.

— Не в икре счастье, — говорю и наполняю стопку, подаю пустую банку, а крышку капроновую снимаю и тоже выдаю Витьку. Он обрадовался, отнёс банку к порогу, где его тапочки стоят, чтобы не забыть потом в конце финала.

— Отделался, — говорит и радостно берёт стопку. — Нюра, как будет рада, что банка свободная. Хотела поросётам скормить, да подумала, что скотина может заболеть.

— Спасибо, — говорю. — Заботливый мой сосед. Свиночки могут сдохнуть? — спрашиваю весело. — Они тебе родней, чем я? Сам не пытался...

— В горле столбом стоит, не пропихнёшь огурцом. А ты не брезгливый, говоришь, что каждый санаторный день кушал это, — показал на банку. — Если твоя из-за банки станет возникать, то я тут ни причём. За последствия не отвечаю. Чем выбрасывать, пусть у тебя постоит для ассортимента в холодильнике или где ещё. Может, ты её под печку в темноту определишь. Санька, стервец, подарок сделал. В отпуск приезжал и подсуропил сеструхе презент. На, Боже, что людям не гоже. Он служил на пограничном катере, со службы недавно пришел, я его угостил этим подарком. Больше не приходит в гости. Спрашивал у сына, как там икра живёт?

Боится, что я угощу его же подарком. Ловкач, блин, вырос на этом Амуре.

Намазал я хлеб маслом, сверху нагрёб икры, разровнял всё по размеру куска. Она светится, как будто на масле солнышки заиграли. Выпили. Жую бутерброд. Даже чавкаю от удовольствия. Санаторий вспомнил, танцы на берегу моря и шум прибоя. Так стало хорошо, на этот свет смотреть, что я кусок побольше снарядил икрой и налил по стопке. Витёк на меня контужено смотрит, ждёт, когда я синеть начну от такой непривычной закуси. Сижу и ем счастливо. Витьку вроде как жалко стало продукта. Наворачиваю, а критических последствий не видать Витьку. Он хотел на меня со спины глянуть. Руку протянул.

— Отрежь хлеба и намажь мне, маленько, — попросил неожиданно, глядя на банку, которая стала уменьшаться внутренним содержимым икры. В глазах застыла такая странная тоска у Витька, что и незнаю как себя вести. По глазам протрезвевшим, понимаю, что разговоры о ценности икры для него начинают обретать другой смысл. Зажал нос и закрыл завидующие глаза, втолкнул с трудом в рот кусочек, и начал медленно шевелить нижней челюстью. Пример заразителен, когда твою икру кто-то хакает полной ложкой и не задумывается. ...Улыбнулся. Выдохнул.

— Чего с пьяни не станешь есть. Прошла, — торжественным голосом, как диктор на первомайском параде, заговорил мой Витёк. Дальше — больше. Мажем хлеб моим маслом, едим мою икру. Икра ядрёная, в меру посолена. Песня, а не продукт. Хотя и простоял он в горьком одиночестве за печкой в летней кухне два года. Витя уже легко закусывает, без пробуксовки. Уплетает, как свою.

Когда икра чужая стала, изменилось отношение к ней. Брезговал, говорил, что тело покрывалось синими пятнами. Смотрю, а от моей икры у него никакой аномальности, никакой аллергической сыпи по телу. Легко так кушается икра, интенсивно, почти, что можно сказать. ...Стремительно налегает на мой продукт сосед. На халяву и родная икра сладка стала. Домой засобирался. Кинул в тарелку пару ложек, и к двери с банкой направился.

— Это твоей попробовать.

— Чего пробовать? Икру ты отдал. Банку взял. Не понимаю, ход твоих мыслей. Не закрывай крышкой, жена придёт и закроет. Она её не станет, есть долго. Неделя не пройдёт. Ей тоже банки нужны.

Витёк молчит. Тапки надевает, банку берёт, что у двери стояла и пытается с двумя банками открыть замок. Я тут не стерпел.

— Поставь хоть одну банку. Хватит газовый кризис устраивать. То подарил, то забрал. Не понимаю, — говорю. Он, молча всё же оставил банку, но ту, что была без икры.

Не в икре счастье, а в постоянстве. Икра чужая мёдом показалась, а свою хотел выбросить. Через неделю поросёнок у соседа отравился и Витька в больницу по «скорой» отвозили. Без самогонки ел.

Третий закон Витёк забыл: ...сивушные масла и яды нейтрализуют, упорно им противодействуют.

АНОМАЛЬНЫЕ СТРАННОСТИ

Лаптеф жил в деревне, хотя и на третьем этаже, потому что четвёртого не было. Жил он и жил с детьми и своей женой, много лет прожил, и всё это

время где-то работал. Работал, как мог, а иначе не умел. Если бы умел иначе, то и жил как-то по-другому, а не на третьем этаже в двухкомнатной квартирке, а где-то там, где люди жить умеют на всю жизненную катушку.

Этот Лаптеф, как и другие, читал разные газеты, слушал радио и тарасился в экран телевизора чёрно-белого состояния. Везде писали, говорили и показывали одно и то же. Делать ему больше нечего было вот он читал и тарасился. А ведь мог взять землю, как пишут, стать хозяином, а по-теперешнему — фермером. Но не брал. Потому что никто не давал эту землю, но возможно соображал, что лошадей нет в продаже, а трактор укра... купить не за что. Делать трактора и сеялки у себя на балконе не умел категорически и не брался, считая, что не имеет права конкурировать с заводами. Может быть, думал, что фермеры не могут обретаться на вторых и третьих этажах, но даже и на первых этажах им жить как-то несподручно.

Гласность у нас в деревне полюбили сразу и бесповоротно. Лаптеф очень интересовался выкрутасами природы. Смотрит часами про цунами, про смерчи, землетрясения. Как увидит какую-нибудь катастрофу, так аж на диване подсигнет к потолку. Не от радости, от остроты ощущений. В деревне ничего такого не происходило почему-то — скука и работа. Поговаривали, что может в дальнейшем остаться одна скука. Но разве кто этому может поверить. Проблемы, конечно, были, но как без них жить? Процесс невозможный. Случалось, что продавали хлеб, как кирпич, то кирпич выпускали, как хлеб. Выпекают хлеб чудесный, а вот на полках в магазинах он становится другим несколько, приобретает странную твёрдость. Никто об этих

аномальных явлениях в научном мире ничего не может внятно сказать. Часто случается у нас и другое странное явление. Есть в магазине сахар, есть у тебя распорядительный документ на выдачу килограмма сахара за твои деньги, но как ни подавай талон продавцу, каким либо боком поворачивай, сахару не дадут, не давая объяснений. Это любознательному Лаптефу непонятно. Ему кажется, что эта загадка похлеще заморского треугольника. Но опять же, как, ни толкай талон в стакан с чаем, он от этого не становится слаще.

Лаптеф решил стать научным работником и разобраться с проблемой аномальной продажи сахара. Взял блокнот и ручку, пришел в магазин и стал интересоваться, показывая талон, календарь. Талон не просроченный, календарь не старый. Сахар вот он в мешках упакован. Дайте. Не дают. Бермудский треугольник получается в деревенском содержании. Как пить чай, держа сахар в уме? Лаптеф может пить чай без сахара, а вот детям, как пишут, нужно давать его, чтобы правильно развивались. Может быть, не нужен сахар, — подумал Лаптеф, — как и обувь, как и одежда, а про шампанское и говорить не стоит. Сплошная вредность и урон здоровью. На него и талонов не дают. Чтобы сохранить гражданам жизнь и нервы.

У Лаптефа осталась застойная привычка — на Новый год выпить-таки бокал этого напитка. Про именины тещи и жены — говорить нечего. Законные праздники, как аванс и получка. Водку Лаптеф не любит выпивать по причине аллергии внутренних органов, но после бани только квас употребляет, а вот в конце декабря у него начинается вечный зов. Организму — дай. Не понимает он ничего, не принимает никаких отговорок. Даже сухого вина не может себе позво-

лить по причине суровой гласности, которая сообщает, что борьба с пьянством — святое дело каждого и каждой гражданки. А, борясь с зелёным змием, решили и виноградники пустить на дрова.

Понимает всё Лаптеф правильно, но организму перед первым января вынь и налей. Чтобы не очень себя расстраивать, не вводить организм в искушение, решил под Новый год не включать телевизор, чтобы не видеть аномальные явления. Полагать надо, что и в столице нет талонов на шампанское, а будут наливать в бокалы и фужеры газированную воду.

РАЗВОД

— У меня в магазине много чего разного, пользующегося отменным спросом у людей, которых мы в своём кругу называем — покупателями. Есть консервы. Это вот крупы — перловая, ячневая, кукурузная. Что-то стали из них какие-то мушки вылетать. Но сметана продукт особенный — особый и удивительный. Мёд тоже удивительный, да с ним возни больше, а завозят редко.

— Что вы ворчите всё время? Не нравится, так и не берите, а не устраивайте мне тут митинг несанкционированный. Топайте в другую точку. Никто вас тут не станет привязывать.

...Интересные люди, Сколько торгую, столько лет придираются. Демократия испортила советского покупателя. Раньше радовались, что хоть что-то им продашь, а теперь критикуют. Да кто? Кто раньше и рот разевать не умел, как надо. Грозят. Чего пугать? Пуганые рейдами, ревизиями обложенные. Сметана —

это вещь. Пусть хоть что говорят о холестерине, о её вредности.

— ...Какая же она жидкая? Помилуйте. И что из того? Такая порода. Вывели недавно, чтобы не замерзала на полюсах в банках у путешественников. У отечественных. В морозилке не замёрзла? Так в ней жиры и углеводы.

Обязательно нужно обидеть подозрениями, обязательно нужно жаловаться. Странные люди эти — покупатели. Когда я была покупательшей, не было моды так губы кривить. Ну, артисты, ну фокусники. Акопьян бы поучился. Банку берёт двумя пальчиками, а неотмытую крышку в рукаве прячут.

— Не бомба это. Сметана, а банку я обтёрла тряпкой половой. Что белая? Не зелёная. Что вы так её рассматриваете в микроскоп? Не шумите разом, не в думе. Говорите по очереди, не задерживайте микрофон, соблюдайте рагламент. Всех выслушаю. В письменном виде хотите. Только на своей бумаге. Хоть чем. Хоть сметаной, хоть кровью морской капусты. Какие крупинки? Это масло. Я ж не произвожу сметану. Я ж не корова. Какую привозят с базы, такую продаю. Ваше право делать анализы, ехать на молочный комбинат. Народный контроль приказал долго жить вместе с ОБХСС. Можно пожаловаться в ООН.

...Куда он поедет? Трамваи не ходят, автобусы стоят. Толи ток хороший кончился, то ли бензин разбавили... Для ихней же пользы, чтобы холестиурола было поменьше, чтобы прожили еще сто лет, чтобы еще на вашу шею пару перестроек. Если честно, то я им первый друг и товарищ. Она имеет разрушительную силу, организуя бляшки в сосудах. Одним словом — белая смерть. Вот, что такое сметана.

— В Америке, в Америке. Там может быть, больше разводят. Никто не жалуется, но вы видели там какие люди полные? А что говорите, если не были.

Вечно, блин, недовольные. Рабочий день давно начался, а они по очередям, по магазинам, работать не дают, создавая очереди. Как собаки надоели. Ногти накрашены, а банки не моют со дня Потопа.

— Кончилась. Слава Богу. Кому нужно тому и оставила. Для анализов проба. Санитарная служба тоже ест сметану. Не пугайте, да не пуганы будете. Столько дали миленькая. Ведро привезли. Лимит. Конец месяца. Приходите завтра. Хоть с бидоном, хоть с канистрам. И кефира нет.

Все мои нервы натянуты, как бельевые верёвки. Не магазин, а горячая точка торговая. Что-то стала плохо размешиваться. Искусственная, из сухого молока. Не понесу сегодня ребятишкам. За что ни возьмись, никакого качества. ...Колготки называется. День не поносила, поползли. Куда идём, куда развиваемся. Написала же ей, что уже развела, а она опять кислого молока набухала. Сто раз объясняла сменщице, что нужно кефирчиком. Вот молодёжь пошла. Жадные, наглые. ...В Голландии, интересно, чем её разводят?

ПОШУТИЛ

Везение, то есть удача, сопутствует не многим, но если Фортушка вцепится в ваши джинсы бульдожьей хваткой, то это на всю прекрасную жизнь. До Юрия Ивановича Капустина эта самая Фортушка с малых лет не добегала. Кто-то подкладывал кнопки учительнице на стул, а родителей почему-то вызывали Капустиных, будто только у них в квартире плодятся эти самые

кнопки. Португальский портвейн кончался лишь тогда, когда студент Капустин подавал чек в магазине «Российские вина».

Распределили после вуза Капустина к нам в район, хотя по диплому значился инженером-электронщиком. Приспособили парня заведовать счётной станцией. А что у нас такого считать — всего три колхоза и два совхоза, кирпичный завод, да стройконтора. А ещё лесное хозяйство, но там сами считают свои сосны. Вскорости женился сгоряча. Девушку взял в жены простую, у которой родители ни больших денег, ни огромного веса в обществе не имели, а жили честно и радостно. Дети у них такие же были — без особых премудростей и выкрутасов в характерах.

Можно было и не писать, что Юрий Иванович попал на работу, на которой катастрофически взять нечего. С завода можно гайку упереть и приспособить к калитке или ещё куда. А если завод не просто себе завод, а молзавод, то какой рабочий гайку понесет, только недоразвитый. Лучше и полезней кило сыра в сапоги затарить или творогу за пазуху насыпать в мешочек, а вот масло продукт для умеющих бегать на длинные дистанции. Не случайно команда молзавода на спортивных соревнованиях в призе́рах.

Всем известно, что масло можно на кусок хлеба помазать, а что может мазаться на счётной станции? Использованные копирки и дутые отчёты?

А хотелось Юрию Ивановичу машину собственную, чтобы с женой куда-нибудь попутешествовать по дорогам. Машина — есть роскошь, хотя и средство передвижения. Как человек со средней зарплатой, имеющий в расходной части мальчика и девочку, живущий в деревне на втором этаже, мог купить машину через

тридцать два года. При условии, что кушать будет раз в неделю. ...Была бы у него другая работа, с которой можно комбикорму припереть, а потом свиночек и курочек вырастить, какую-нибудь корову содержать, но грустная работа досталась моему герою. Где попало, учился, без учёта на перспективу, на дальнейшую, так сказать, жизнь. Невезуха форменная. Никто ему из родных не присоветовал, чтоб как нормальный человек вуз выбрал. Мог бы свою будущую зарплату распределить на продукты, на одежду, понял бы, что на соль и лапшу хватит, а жене на шубу — не останется.

Обещанного коммунизма не дождался, а капитализм, начавшийся постепенно, не мог набрать силу, выйдя из пелёнок перестроечных. Цены отпустили резко, а зарплата не может за ними угнаться, оставшись при социализме, хотя и очень развитом.

На втором этаже корову можно держать, но трудно. Квартира у Капустиных мала, только овце, место есть, а корова мешать станет к плите подходить. Какой-то умный человек обосновал свои проекты и начал строить в деревнях четырёхэтажные дома со всякими удобствами. Как ни странно, товарищи, голосовавшие за строительство «небоскрёбов», напрочь отказались жить в таких благоустроенных квартирах. Им не понравилось ловить у себя в ванной то, что соседи сверху в унитаз отправляют. Не захотели они на балконах утят выращивать, а специально для этих целей для себя квартиры на земельных участках построили, где куры и утки по травке гуляют и купаются, если захотят, в водоёмах у сараев.

В прошлом году в доме, где жили Капустины, канализацию проширивали тросами, так выудили очки, газету и мокрые ваучеры, пахнувшие чем-то неземным.

В другой раз мешок арбузов поймали — не шибкие арбузики, привозили их со стороны полигона Семипалатинского. Дебаты были, насчёт того, чего в них больше нитратов или радиации. Один умный сосед сказал, что если бы была радиация и избыток азотистых удобрений, то арбузы должны были вырасти с колесо от КАМАЗА. Не только за арбузами ездили жители высоток, но и за колбасой, за сметаной и за прочими продуктами в соседний городок. Но не в этом дело. Капустины, как и другие селяне, на балконе куриных цыплят держали, а после пасли их во дворе, привязав к колышкам. Всё было бы нормально, да не все куренята до осень добрались. На них подействовал естественный отбор.

Втемяшилось в башку Юрию Ивановичу, что может выиграть по лотерейному билету вождеденный автомобиль. Такой человек — во что хочет, в то и поверит. Крепко в успех задуманного поверил. Сначала просто мечтал и верил. Потом ему кто-то подсказал, что нужно и ещё покупать эти самые билеты, чтобы получить нужный выигрыш. Покупал регулярно два года. В каждом тираже участвовал. Регулярно ничего не выигрывал. Много купить билетов не мог. Все деньги жена распределяла между магазинами и квартплатой, а там за свет, за телефон, за садик, за радио, за газ, за ремонт телевизора, за подписку нужных изданий и за многое другое приходилось платить каждый месяц.

Бывая в командировке, Юрий Иванович экономил, выпивая в буфете стаканок кефира и пирожок с чем-то непонятного цвета и вкуса. Случалось, что погашался билет и получался рублёвый выигрыш. Тиражные таблицы Капустин читал, как известный роман Дюма, который все обрели, сдав в макулатуру лишние вещи. Жена Юрия Ивановича все старые пелёнки сдала, все

одежонки, которые доставали через друзей и знакомых, а за это за всё ей разрешили купить нечто импортное, ласковое, женское. Хотя Юрий Иванович убеждал, что пелёнки и распашонки понадобятся в обозримом будущем. Жене почему-то казалось, что государство возьмёт на себя решение пелёночных вопросов. Искушение одолевало Капустина долго.

Крепился изо всех своих честных сил, но не смог противостоять. Попутал его. Очень хотел внимания сослуживцев на почве лотерейных страданий, что не выдержал, взял газету с новой тиражной таблицей, номерки на бумажку написал с выигрышами, а потом и номерки «своих» лотереек. Он даже сам поверил в свою аферу.

На работе у него в коллективе привычку имели чай пить периодически. Коллектив в основном женский. Принесут чего домашнего и пьют чай. Бывает, кто торт испечёт, кто сала копченого принесёт, кто курочку зажаренную в духовом шкафу по причине дня рождения, кто чего жидкого на пробу наливает — ну там квас, компот, кисель молочный. Сейчас этот процесс во многих организациях повально пустил свои корни. Где кофе дуют, где чайком прибавляются — с утра и до вечера идёт разрушение органов и организмов.

Заказчики тоже привозят свои сувениры к чаю. Капустин давно махнул рукой на своё еще крепкое здоровье. Что оставалось делать? Пил и ел во время работы, после работы и совсем забыл, как это люди умеют худеть, не прилагая никаких кулинарных диет. Пили и ели, как обычно после обеда, а одна женщина развернула газетную упаковку с пачки пирожков большого калибра, а там таблица оказалась. Капустин

от неожиданности на колени пролил весь стакан. Была бы самогонка горячая, пришлось неотложную помощь вызывать. Достал Капустин свой листочек, о котором стал забывать, подал Светочке — работнице молодой и не лишенной сельского шарма.

Схохмить решил Юрий Иванович. Безо всякого злого умысла, без чёрного юмора. Честный был человек, никого не подсиживал, не лез по головам в руководящие органы, даже в партию вступил без какого либо прицела. Если ты вне партии, кто ж тебя станет выдвигать, кто за твоим ростом станет следить, кто пост захочет доверить. Но к Капустину это не относилось. Никто не собирался его повышать, а тем более, снимать. Какой уважаемый человек польстится на кресло Юрия Ивановича? Только глупый. А глупых, извините, у нас нет, перевелись, как тараканы в бочке с квасом. Попросил Светланку проверить его номера лотереек, так как очки на столе в кабинете оставил.

Девочка-Светочка глазки распахнула, словно дверцы шифоньера, когда её зелёный ноготок упёрся в цифры. Она просто замерла, словно охотничья собачка, учуявшая дичь.

— Юрий Иванович, а вдруг бы вы холодильник?..

— Холодильник, — это хорошо, согласился притворно Капустин

— Холодильники перестали на берёзах висеть. — Хохотнул приглашенный на чай сам — главный по производству промышленности в особо крупных размерах.

— Что там? Правда, холодильник? — спросил Капустин.

— Авто, — сказала трагическим голосом сотрудница, сидевшая рядом со Светой. Женщины загомонили.

ли, налили ещё «чаю», начали поздравлять везучего руководителя, слегка тискать его руки и плечи. Капустин быстро пьянел от счастья. Глаза его туманились.

— Юрий Иванович, дорогой вы наш, зачем вам эта морока? — строго спросил приглашенный начальник. —хлопот с ней, как с бегемотом. Продай билет.

— Пошутил я, — улыбнулся чужой улыбкой Капустин. — Такая вот история вышла.

Начальник помахал пальцем. Внимательно осмотрел Юрия Ивановича, словно впервые увидел.

— Помогу. Приезжим строителям загоним билет твой. У меня денег маловато. Они с руками оторвут за две цены. Работа отменяется, а ты именинник, поспеши в магазин. Я тебе записку сейчас сочиню, чтобы тебе коньячку отпустили не очень дорого, но с высоким качеством.

Какая работа? Не работали полгода. Предприятия стояли, а колхозники сидели в такой калоше, что у них не было денег, чтобы заплатить за радиоточку.

Вечером в дверь Капустиных вежливо постучали. Два лица строительной национальности культурно сняли лаковые туфли и прошли в зал, положили на стол свёрток из серой магазинной бумаги, объяснив цель своего прихода. Юрий Иванович долго рассказывал суть шутки. Достал таблицу, вынул бумажку, показал отчеркнутые номера. Молодой мужчина, покачал головой, развел руками и вытащил из кармана куртки газету.

— Посмотри, Юра, на мэю газэт. Нам твоя не надо. У нас своя есть.

Капустин взял газету, рассмотрел. Всё совпадало. И дата, и номер тиража. Всё. Кроме одного факта. Лотерейные билеты были старые, а газета у гостей но-

вая. Он опять принялся доказывать, что специально выписал выигрышные номера и серии. «Нет никаких выигрышей, — убеждал пришельцев. — Игра случая». Но гости не сдавались. Достали ещё свёрток. Капустин устал. Дети легли спать. Жена уже дважды ходила к соседям занять растительного масла. Юрий Иванович вручил невнимательным гостям лотерейный билет, потребовал, чтобы забрали деньги, а сам в изнеможении упал на диван и горько вздохнул.

Прошел месяц, а может быть, и побольше. Что-то изменилось в Капустине. Он перестал опускать голову, походка сделалась упругой и уверенной, в разговорах возникла строгость и уверенность. Вскоре Капустина перевели, а счётную станцию закрыли за ненужностью. Стал он заместителем заведующего отделом. Прибавка в жаловании позволила супруге Юрия Ивановича выглядеть не так уж и средне. Капустинские дети успешно окончили полугодие. Поговаривают, что к весне Юрия Ивановича возьмут в администрацию. И возьмут. Специалист хороший, хотя и по электронике и электронной технике. Уж если Фортунка... (да, когда Капустины переезжали на новую квартиру, под вешалкой обнаружили три пакета) вцепится в чьи-то джинсы, то это надолго. Чаще бывает наоборот. Не добегают она до нас, не интересуется нашим жизненным путём.

УЛЬТИМАТУМ ПАПКИНА

Папкина у нас в деревне знает каждый. Чего его не знать? Папкин он и есть Папкин.

Как-то проснулся он в тоске и неуверенности. Снилось ему, что в деревне началась революция или

какие-то военные действия. Слышит сквозь сон выстрелы и взрывы. Проснулся окончательно. Стрельба ещё громче. Осторожно выглянул в окно. Красные отсветы на соседнем доме увидел. Догадался — война. В другое окно выглянул — сараи горят! Весело горят. В одних трусах на голом теле кинулся по лестнице со второго этажа на улицу.

Народу собралось порядочно. Здороваются, на огонь смотрят. К сараю Папкина огонь ещё не подбирался, а тут примчались ребята на пожарной машине и принялись в огонь воду лить из матерчатых шлангов. В сарае у Папкиных мало ценного. Так получилось, что всё, что имеет интерес и цену, приспособили в комнатах квартиры, а лишними предметами и вещами не успели Папкины обрасти. Всеравно Евгений Андреевич обеспокоился, когда огонь, несмотря на усилия парней в касках, подобрался к его отсеку. «Урал» он сразу выкатил, кинул в траву, аж звонок взбрякнул, следом выбросил лопату, а погребу что доспеется? Крышка, лестница металлические, перекрытия тоже из толстых железных плит, две банки капусты, оставленные после зимы, никуда не денутся. Когда затрещал шифер под ногами пожарных, Папкин вспомнил о своём шкафчике. Не мебель, а почти что аптечка. Хранил в этом настенном ящичке с дверкой сухарик и стопку. На всякий пожарный случай. Вдруг гости нагрянут или ещё какое политическое важное событие. В сарае очень удобно гостей принимать. Это каждый у нас знает в стране. В гаражах, в дровенниках можно найти и шкафчики, и стопочки, и сухарики.

Понятно, что посуду мыть не придётся, так как гости обычно не засиживаются, ожидая, когда им из морозилки остатки льда в спиртосодержащий лекарст-

венный состав положат. А в погребке всегда можно найти при желании потерянную пять лет назад банку с огурцами или кабачками на худой конец. Талоны на консервы никто не станет требовать.

Вот видит наш сосед настоящую угрозу шкафчику, бросается в огонь, как есть в фуфайке, в сапогах и трусах на голое тело. Конечно, его хватили за руки, пытаюсь остановить, но он вырвался, карасиком проскользнул сквозь редкую толпу из трёх человек, нырнул, раздвигая руками и телом дымную темноту сарая. Да, спас инвентарь, благо ящичек висел у двери. Спас заветные реликвии. Сухарик, которым занюхивали мы с Папкиным несколько лет и гранёный стаканчик, который ему в далёком детстве подарила любимая тётя Женя.

Евгений Андреевич торжественно развернул свёрток. Никаких следов пожара не было видно на сухарике. Стаканчик цел и неповредим. Папкин вдруг размахивается и швыряет в огонь предметы первой необходимости. «Горите, родимые, — говорит горьким голосом, — всеравно талонов нет в нужном количестве, а по коммерческой цене покупать принципиально не стану!» Вот такой ультиматум предъявил наш герой.

Это что ж получается, дорогие односельчане? Не желает человек бюджет района пополнять. Не хочет страну из экономического тупика вытягивать. Это хорошо, что он один такой у нас в деревне нашелся. Не очень давно два грузовых автомобиля привезли в райпо. Пустили её родимую в свободную продажу, но по коммерческой цене. Мы, как патриоты любимой родины и своего района за два часа разобрали спиртное. Мы болеем за отечество, а Папкин видите, что выкидывает.

Признали мы его вредителем. А что делать скажете. Выпьет, что по талонам причитается, а в остальное время телевизор глазами сверлит. Пропал человек, а ведь какой был энтузиаст своего дела. Литровую мог один огреть, и на работе работу делать какую-нибудь.

...Ультиматумы стал выкидывать. Того не понимает, что хуже делает только себе. Из-за него экономика стоит, налогов собирается меньше, а значит, и зарплата задерживается. Кому он хуже делает? На чью мельницу воду льёт. В старое время его бы, как подрывателя и вредителя определили, а теперь плюрализма. Доведёт нас эта самая...

Сомкнули мы ряды тесней, пусть ещё раз наценят, будем брать, будем помогать отечеству. Вот только бы жёны нас понимали, а то ведь не все видят в нас настоящих патриотов и строителей нового наисветлого будущего. Мы смотрим далеко вперёд. Мы — движитель экономики, а не какие-то отщепенцы Папкины.

ВЕРУЮЩИЕ

С жильём, как и со всеми предметами и вещами первой необходимости, у нас всё ещё беда. Беда – вообще. Если присмотреться, то обнаружится очень странное явление: квартиры есть, а некоторые постоянно пустуют, наполненные эхом прошлой жизни, а есть полузанятые. Живёт одна старушка в пятикомнатной пещерке, даже сама себя по утрам ищет, чтобы позвать на чай. Отдельные деревеньки, как и квартиры без хозяев остались. Старичьё ушли в мир иной, а молодые по городам рассеялись, чтобы на работу поближе ездить. Стираются грани у нас, как вы понимаете, между большими и малыми населёнными пунктам. Эти грани

Витёк Кабушкин не то чтобы не видел никогда, он и не слышал ничего о них. Родился в деревне и рос, как мог всё время в ней. Ездил с мамой в соседний город покупки делать перед школой. Портфель выбирал и брючки мерил. В деревне у него выбирать не из чего, а в городе даже ранцы видел, а портфелей много – разных цветов, как у радуги, что обычно над фермой выгибает спину.

Витя рос, рос и незаметно школу окончил одиннадцатиклассную с трудовым уклоном. Научился автомашину заводить и трактором управлять. В институт не взяли, так как он по-английски не мог ни читать, ни говорить, хотя математику и физику сдал с высокими баллами. Англичанка у них была в Берёзовке, но не долго. Парни ей на танцах не давали отдыху. Только с одним оттанцует танец, как опять её волокут на круг вальсировать. Дотанцевалась до свадьбы. Пришлось им уехать в Слесарёво. Муж — Санёк Полугринов потом вернулся, а она там осталась, у мамы девочку свою выращивать. Санёк объяснил, что крика не может выносить. Кричали все — дочка, учительница и её сестра, которая тоже вскоре мальчика взялась качать. Мальчик — тот не орал, спал себе и сосал молоко из сисек с чувством глубочайшего удовольствия. Эти знания негодились на вступительных экзаменах. Витёк всё-таки знал несколько слов из английского лексикона, но их оказалось мало, чтобы получить худенькую тройку.

Поработал Витёк сварщиком, потому что лишних тракторов в колхозе не оказалось. Осенью на комбайне с отцом хлеб молотил и с присланной из города учётицей звёзды над сенокладом учитывал. Она должна была считать, но говорила, что ей и гектаров хватает считать, пусть Витёк в небо смотрит и учёт ведёт. Звёзд

оказалось на небе много, просто прорва, которую и жизни не хватит, чтобы сосчитать точно. У Вити не хватало терпения. На третьей тысяче он сбивался и просил Танюшку продолжить пересчёт светил. Она не соглашалась, говоря, что лучше продолжить в следующую рабочую смену.

Весной Кабушкин занялся астрономией с пацанами. Два года считали звёздочки на погонах своих командиров. Два года позанимался. Когда надоело, то поехал обратно в свою Берёзовку. На прощание ему погоны украсили не звёздами, а ленточками. Двумя. Не долго думая, уволенный в запас Витя, вдруг решил специальность получить. Не в профтехучилище отправился, где остальные мальчишки учатся водить новые тракторы К-700, а в городской техникум ринулся экзамены сдавать. Он бы мог его закончить, так как после армии принимали ребят вне конкурса и сразу на третий курс. Он же в школе одиннадцать классов прошёл. Но не закончил. Не добрался до финишной черты или ленточки. Увидел девчонку на остановке и всё – прощай мой табор, прощай вольна жизнь. Семья образовалась – ячейка общества, но без улья, без надлежащей семейной жилплощади. С милым и в малосемейке рай. Это общага такая, которую Витя получил, когда перевёлся на заочное обучение и пристроился на завод. Он ведь умел многое. Приняли сварщиком в сборочный цех. И дали комнату в секции. Заводской дом строили для рабочих. В каждой квартире было три комнаты, кухня, ванная и отхожее место. Так как рабочих было много без жилья, то вместо квартир давали только комнаты. В будущем хотели, чтобы семейные пары и жили в нормальных условиях, но не получалось. Хотя и хотели в заводском

штабе, но, как обычно – одного хочешь результата, а выходит другой почему-то.

Витьку надо было домой ехать, но Катюшка институт мучила, а Витя техникум хотел добить в свободное время от сварочных работ. Кабушкин настырным был в Берёзовке, но и в городе рук не опускал. Все свои силы прилагал, чтобы мебель в комнатку приобрести, в театр жену сводить. Катя крепилась, но в театр соглашалась идти, хотя и потом сильно страдала от потерянного времени, потраченного не на изучения физики твёрдых тел, а на шумную глупую постановку. Говорил отец, что нужно перебираться в райцентр, фундамент заливать и дом строить на свободном месте, где можно картошек насадить и грядки под огурцы из навоза сделать. Через пяток лет у Кабушкиных яблоки свои были бы и копчёная свинина могла появляться на столе, но они решили ждать квартиру по очереди, чтобы малосемейку молодым передать, как эстафету. Надежда – великая штука. Она не только камни точит, но и голову туманит прекрасными картинками будущего. Катя сама была из деревни и тоже мечтала о своих уточках и курочках, но Вите не говорила, а он думал, что она с детского сада мечтает жить в городе, ездить на трамвае на работу и в булочную за пирожками, хотя она пекла в общей духовке даже пирожные и даже булки хлеба у неё получались, как мама когда-то учила.

Так они и жили, не понимая друг друга. Конечно, тайком Витя рисовал в тетрадке на лекциях фасад своего дома с гаражом и теплицей, Катя рецепты собирала консервирования овощей. Хотя и обзавелись они садовым участком, но всё это было не так. Банки с огурцами они сначала хранили под диваном, а потом в кооперативном погребе.

Провожая старшего сына в школу, Витя купил очередной рулон ватмана для вычерчивания разреза редуктора дипломной работы. Катя двух дочек повезла на троллейбусе в садик, а сама поспешила на работу в архив, куда устроилась после политехнического института. Она была по сельскохозяйственным машинам инженером, но в архиве было теплее, и рядом с детским садом.

— Витя, не води меня в театры, — как-то призналась Екатерина, — У меня всегда от духов голова болит после. Словно аллергия.

— И мне эти зрелища не очень. Я думал, что тебе это...

— Нет же. Я лучше кулинарную книжку полистаю, и свяжу Тасе костюмчик к выпускному дню. Поедем к нашим, а потом к вашим. Сенокос скоро придёт, а у них, поди, помогать некому.

— О чем вопрос. Я бы им тракторок собрал. У меня и чертежи есть из журнала.

— Я мамам позвонила, что мы отпуск взяли для покоса. — Ребята как обрадовались, услышав, что едут в деревню травку сухую в стога укладывать, на коне кататься и молоко из-под коровы пить ароматизированное. Засобирались, складывая в сумку подарки для бабушек и дедушек.

Дети с удовольствием катались на лошади, им всё было интересно, а Витя косил, как ненормальный. Даже забывал про рыбалку и моторную лодку, чтоб жену с мальцами по озеру покатать. Косьба для него с детства была как наркотик, за уши не оттащить троим. Таким он вырос.

Родители радовались, что дети в городе, что не в навозе ковыряются, а по асфальту едят на старом

«Москвиче», с молоком и мясом у них просто, в каждом гастрономе косточки для борща развешены, фрукты и овощи на базарных верстаках лежат. А заработок твёрдый и аккуратно выдаваемый два раза в месяц без задержек и проволочек. Счастливые, — говорили им соседи, устроены, а Витёк скучал по родной деревне, но никогда виду не подавал. Когда услышит по телевизору, поют парни про ставеньки, про домик окнами в сад, так у него просто слёзы из глаз водопадами стекают, но крепится и уходит в ванну очередную полочку подвешивать для надобностей мыльных и зубных паст.

Как-то вечером, когда Катя, наварившись малинового варенья с мамой, сказала Виктору с грустным лицом и выпачканными вареньем губами:

— Не пей много. Завтра мальчика в армию провожать пойдём. В дорогу ему и положить нечего, кроме как колбасы и консервов с бородинским хлебом, а если бы мы жили дома, то я ему и творожку с маслицем намешала свойским и гуся затомила и мяска сушеного и тушеного в русской печи сделала.

— Ты считаешь, что мы не дома живём? — обрадовался Виктор Иванович. Он позволил себе дерябнуть, когда Катя диплом защитила от своих преподавателей. И то символического вина — шампанского. Он мог и ведро выпить. Детское. Красное из пластмассы, но не пил — не хотел. Другие его товарищи по цеху сборочному всегда хотят, просто огнём сварочным ярко горят, когда видят водку в бутылке или аванса в руке. У Бабушкиных водка месяцами стояла открытой и часто прокисала, если Катя вовремя компресс кому-нибудь не сделает, а то просто выльет в раковину на кухне, если никого рядом нет. А чаще соседке отдавала для лечения мужа.

— Детей везёшь в холодном трамвае. На остановках дождиком мочит, если без зонтика он начнётся. Ночью окошко не открыть. Дым от заводов дышать детям не дает, как следует. Какое у них будет после такого загазованного явления здоровье? Только больничное здоровье приобретут. ...То и хочу сказать, что нужно широко подумать, чтобы не сделать ошибки. Я подумала, а ты прирос к этому жалкому муравьёшнику и дальше своего завода не хочешь вперёд посмотреть, о детском будущем подумать головой, а не дипломом.

— Ты чего разводишь философию на мелком месте. Говори ясно, что тебе надо.

— Уеду от тебя с детьми, о которых тебе нет никакого желания заботу иметь.

— Давно это тебя осенило? Я. — хоть сейчас соберусь. — Обрадовалась Катя, как будто по денежно-вещевой лотерее холодильник выиграла второй. Что тут было. Форменное объяснение в любви – родным уголкам и сельским лугам, густо покрытым коровами и овцами, а также травой и картошкой, с жаворонками в чистом бездымном небе.

Поговорили Кабушкины и на том и сели. Сказала профсоюзная тётя, что скоро очередь будет к квартирным ордерам приближаться, хотя и двигалась она со странной скоростью. Просто какая-то третья космическая скорость, но наоборот. Вы можете представить себе скорость, при которой условный предмет почти не движется в пространстве. Дело в том, что единица времени очень и даже очень велика. Километр в год. Или миллиметр в пятилетку. Вот такая скорость была на квартиру в городской очереди рабочих завода.

Другие люди получают квартиры систематически, почти каждый год меняют и разменивают, отделяя де-

тей, которые взрослыми получают годам к двадцати и сорока. Новоселья проводят в кругу соседей и друзей-приятелей. У Кабушкиных только намёк был на получение ордера. Им бы задуматься. Отчего очередь у них так ползёт на коленках. Из других цехов токари и фрезеровщики, стоявшие на десять и двадцать номеров дальше Кабушкиных, но получившие приличное семейное жизненно-полезное пространство, а у них всё тридцать первая очередь, хоть пятнадцать лет назад была сороковой.

Учили приятели, что нужен катализатор – ускоритель, так сказать. Бабушкин против ускорителей. Он человек прямой, был даже в армии комсомольцем, даже парторг подкатывал с анкетой, чтобы учил спешно Устав и готовил фотки на кандидатскую карточку. Витёк отказался вступать, считая себя пока ещё недостойным. Ничего, сказал, не совершил такого, что могло бы помочь родному коллективу план досрочно сдать без брака. Брак был и не всегда часто, а был. Он уже придумал приспособление, которое сократило затраты физического труда, но инженер второй год рассматривает описание и чёртёж. А поэтому не стал кандидатом Виктор. Надеялся, что скоро ещё один дом пятиэтажный станут сдавать для заселения, тогда они получат ожидаемое нормальное жильё.

В архиве у Кати не строили дома, но она ходила на завод, каждый год приходила, говорила, что детей уже трое, что муж несколько лет висит на Доске, как ударник коммунистического труда, как передовик производственных планов и задач. Портрет уже весь выцвел, и едва различим по причине солнечной активности. Кате сказали, что ничто не вечно под Луной, а пообещали фотопортрет другой повесить, но комнату дали по-

больше в доме с горячей и холодной водой, которая на второй этаж затекала постоянно без перерывов. Это очень важно было, когда пелёнок ворох. Катюшка за свою городскую жизнь их столько перестирала и перегладила, что если все вместе сложить в одну кучу, то получится полный Казбек. Это гора так называется где-то на Кавказе.

— Не ходи, — сказал Виктор жене, — не порть напрасно время, если есть очередь, если дома строит завод, то уж обязательно придёт к квартире и наш номер очереди. А поедем и присмотрим, что нашему парню купить к свадьбе. Из старого костюма он вырос перед армией. Сказал в телеграмме, что с невестой едет. Хотел в рядах остаться сверхсрочных, но домой захотел, маминых вареников покушать.

— Придётся свадьбу играть, — сказала Катя.

— Где её сыграешь? В столовой заводской?

— Где мы устраивали? Почему не то время? В коридоре, помнишь, столы ставили. Почти все тут наши живут заводские из нашего сборочного цеха. Вот и гости. А потом и в деревню поедем к нашим домой. В столовой дорого — я узнавала, сказала Катя.

Шумной была свадьба у Кабушкиных. Столы во всю длину коридора протянулись от лифта, до балкона, где камера хранения старой мебели и рабочей одежды. Гудел этаж, музыка и водка лились. А сразу в понедельник Василёк с молодой женой уехали самостоятельно к дедам. Шурочка сразу сказала, что она толчеи боится городской и от звонков трамвайных у неё мигрень и аллергия развиваются во всём теле. Лес на дом вывез, кирпич ему, как уволенному в запас дали без очереди в колхозе нашем, и трактор выделили разноколёсый, но ещё не старей. Мальчик перед армией учи-

лище механизации на отлично сдал. Я и сам недавно ссуду взял, буду строить домик. Лиха беда — начало.

С жильём, товарищи, как и со всем другим, у нас всё ещё – форменная беда. К 2000 году у всех будет жильё. Так было обещано капитаном перестройки дядей Горбачёвым, который всё просчитал, всё продумал. Так и сказал, что всем будет крыша и очередям на квартиры – крышка. Верят Кабушкины Катя и Виктор, надеются. Такие они верующие. А у Василька штукатурят комнаты, отопление водяное папа ему сварил, колодец выкопали до самой чистой воды. Огород у него не где-то, а около дома, под носом. Шагнул с крыльца, и ты в саду под яблоней. Зовёт сын родителей к себе, но боятся они очередь потерять. Столько лет стояли, а тут немного осталось до 2000 года.

БОРЬБА

Как мы с ним боролись! Не покладая рук, не смыкая глаз. То мы его, а то он нас. Вам, молодым, не понять. У нас вся жизнь прошла в борьбе. Установки давались, чтобы бороться с этим явлением. Сегодня жить скучно. Никакой борьбы не предвидится на горизонте жизненного пространства. Зашел, купил и в любое время дня и суток. А тогда – умри, но только в десять часов. Или в одиннадцать? Забывать стал. Жутко боролись. Виноградники рубили, аж топоры крошились. Талоны вводили. Лечебно-трудовые профилактории строили. Мест не хватало. Пили всё, что было жидким. Тормозную жидкость пили, лак разводили солью, стеклоочиститель лили на холодный лом. Коньяк три резьбы – тройной одеколон, изготовленный на травах,

пользовался огромной популярностью. Самоговарителей сажали, ссылали, осмеивали и награждали штрафами, но не сообщали, что сивушные масла задерживают рост раковых клеток. Почему? Тайна была стратегическая.

В газетах фельетоны писали почти, что на самих себя. Знакомый у меня был. Поставили его у нас в Берёзовом Ключе самым главным борцом за это. За трезвость. Мужик принципиальный. Хорошо боролся, не жалея сил. Перевели его в райцентр. Все мы вступил в его общество, в общество трезвости. Не улыбайтесь. В каждом населённом пункте было такое. Он даже пытался на аптеке закрасить рюмку. Так до сих пор висит змея одиноко без посуды. С трибуны говорил, что этот символ не наш, а вот дядька на коне, который тычет копьём в этого самого змия, - наше знамя. Наш человек – борец.

Собрания собираем, лекциями народ просвещаем, у магазинов дежури́м, продавцов за рукава ловим, которые отпускают в неположенное время. Впереди он – наш товарищ и собрат по борьбе. Он даже уговорил свадьбу сделать с чаем и кофе одного примерного комсомольца. В кафе не протолкнуться. На диво пришли посмотреть селянки и сельчане. Видано ли – трезвая свадьба. Ждут люди, жутко ждут, чем вся интермедия окончится. Танцы под магнитофон, когда баянисты отдыхают, разминая руки и плечи. Чего ждать? Пляшут парни и комсомолки из райкома. Невеста на руках жениха таскает по залу, предлагает подругам его украсть. Наш коллега, наш авангард выяснил, что вместо кофе коньяк лили в чашки тёплый. Акт был составлен тотчас. Живучи предрассудки. Трудно корчевать нам бы-

ло. А что сейчас? Реклама пива лишь изредка прерывается каким-нибудь сериалом.

Тогда пиво было в дефиците, а продавцы разводили его для нашей пользы, чтобы всем хватало. Заботились, как умели и могли.

А беда пришла, откуда не ждали. Просто конфуз вышел однажды, а точнее сказать, трагедия районного масштаба. Вот и получилось, что биться с ним, с этим змием, себе одни убытки. У нашего идейного борца случилось страшное. Разорвало пятиведёрный лагун с отличным сырьём – брагой. Я всем говорил приятелям, что нельзя укупоривать плотно, нужно делать водяной затвор, чтобы газы из ёмкости с брагой выходили по трубке в бутылку с водой. Правильно, запаху будет меньше. Наш идейный борец Андрей Андреевич Беркутов недопонимал моих предостережений, не мог подумать своей головой, что может разорвать эта могучая сила железные обручи.

Разметало ёмкость по всем комнаткам, взрывной силой. Окна повыхлестало осколками обручей и щепками от клёпок. Бийскую стенку изувечило. Настоящее цунами из ковров и браги по полу. Был бы дома наш рупор, наш председатель Общества трезвых, смог как-то эту диверсию смягчить, а он был на посту, боролся за наше здоровье. В рейде был, в засаде сидел, наблюдал, как используют умельцы в быстром приготовлении браги, стиральные машины.

Печальный случай окончился громаднейшим скандалом. Пенсионеры, жившие под квартирой глашатая трезвой жизни, по причине глухоты не слышали взрыва, не учуяли, что по стенам, где проходят отопительные трубы, стекает определённая жидкость. Старичок сообразил, что пошёл процесс, принялся под ручьи

подставлять банки и тазики. Бабулька призвала слесарей скорой коммунальной помощи, чтобы предотвращать затопление. Вот, что удивительно – раньше долго ищут специалиста по трубам, а тут полный парадокс и флюктуация, как бы написали фантасты братья Стругацкие. Примчался хмурый трезвый слесарь с ключами за поясом, явился устранять порыв трубы. Дверь только чуток и покурочил. Тут и кочегары прибежали из котельной помогать. Добрались до труб и батарей. По браге бродят, отыскивая проблемную трубу, и не находят. Не могут определить источник. Дом отключили. Соседи примчались, чтобы трубы щупать. Плечами, по команде дружно дёргают, как в ознобе. Какой-то Бермудовский треугольник случился. Авария налицо, что заваривать никто не может определить. Отключённый от системы тёплой воды дом начал давать дубаря всеми другими квартирами, так как на улице был ещё не май, а начало декабря. Народ устал. С ног ведь сбились, бегая по комнатам в мокрых пимах и промоченных галошах.

Паренёк один допёр, хоть и молодой, но инженер-теплотехник.

— Налицо, коллеги, авария, но не отопительной системы. Запах не наш. Пахнет по-другому. – Зачерпнул кружкой посередине зала, попробовал. Почерпнул под столом – крепость та же. Принялись, вооружившись посудой, из полуразбитого серванта, фужерами пробовать во всех комнатах жидкость. Единодушно определили, что и под телевизором, и под кроватями жидкость одного цвета и запаха.

— Мы этот продукт в систему не закачивали, — сказал кочегар Иваныч.

— Да, — согласился инженер. — Солярку закачивали в прошлом месяце. Ведро одно для запаха, чтобы квартиродержатели не купались в нашей воде и не стирали бельё.

Тут шум раздался. Соседи требуют, чтоб не спешили делать ремонт.

— Это вам не Чернобыль, — кричит снизу пьяный дедок. — Тут радиации нет. Я проверил.

— А мы не спешим. Не можем её ликвидировать. Тут источник забил, товарищи, — сказал слабым голосом инженер.

— Авария, господа, соседи, вполне соответствующее духу времени. Устранение пройдёт в нужные сроки, с высоким трудовым подъемом, — сказала женщина, которая оказалась комендантом по вопросам коммунальных услуг и оплаты за проживание в квартирах.

Незаметно в квартиру пришли дети из школы. Прибежала на обед и жена отсутствующего главы семьи. Она сильно испугалась. Села в одежде на диван и стойко переживала катастрофу. Когда пришли журналисты, узнавшие о событии, умная женщина сказала:

— Это происки тех, кто против трезвой жизни. Они отомстили мужу, совершив свою акцию. Они хотели скомпрометировать честного человека, изуродовали квартиру и мебель. Следствие разберётся с диверсантами. — Журналисты пишут в блокнотах о происках врагов, народ собирает в тазики и кастрюльки живительную влагу. Неожиданно одна девочка говорит маме:

— Ты же говорила папе, чтобы он не заколачивал пробочку молотком, а он тебя не ...

— Иди, моя голубка, кушай, а пробочку от твоей копилки вытащит папа, — сказала находчивая мама. Большинство людей ничего не поняли, так как запах

был специфичный. Коврики начинали покрываться ледком, но тут инженер дал команду слесарям:

— Перестаньте пить аварийную воду, а подключите дом к сети отопительной. Не мешай, девочка, насмотрелась мультиков, а теперь молоток папин ищешь... Нет его тут. Поищи в кухне.

Историю постарались эту замять, затереть, но начался спад в борьбе с пьянством — кончилась кампания, вероятно, там, наверху. Началась перестройка. Трудно нам было перестраиваться. Появились талоны. На смену им поперли капитализм и демократия, а значит свобода. Водка выставилась в магазинах стройными рядами. Наименований и тогда вдруг стало много, а про пиво, и говорить нечего. Но того жигулёвского, как производили в мою быструю юность, уже не производят. Зелёный змий победил на всех фронтах.

КОЛБАСНЫЕ СКАЗАНИЯ (ненаучное исследование)

Колбаса – продукт древний. Название пошло от слова – кол, дескать, такая палка. Но в старое время слово коло – означало круг, собрание, коллектив. Эту еду в виде палки кушали всем коллективом пещеры. Сообща наделают этих палок из мяса и в свободное от рыбалки время и едят. Слово колесо пришло к нам потом. Изогнутую колбасу, засохшую от времени и погоды, прилаживали к телегам. Получались колёса. Колбасой когда-то сверлили дырки. Такая была крепкая. Сорт этой колбасы принялись называть — коловорот, так как её часто съедали с подругами у ворот, когда шли в гости. Скушают, а потом и в гости можно рваться.

Хороших мастеров колбасотворения называли прикольщиками или приколами. Человека, распорядившегося колбасными запасами, звали приколами или приколками, если ласково хотели назвать, то — Коля. Когда колбаса кончалась, менялось имя — Николай. Запомните это слово.

Вторая половина слова — баса. Далеко от названия голоса. Даже есть вместе написать слова КоляБасков вполне может сойти за старинную фамилию — Колбасков, Колбасьев. Колобковы — это другая фамилия, у них ещё корова была, которая любила погулять, а к мясной продукции не относится, но тут разбираться надо. Жили, конечно, и Лобковы и Клубковы, которые строили клубы и дома культуры, может быть, мотали пряжу в клубки. Возможно, когда курили, пускали дым клубами, клубками. Считали сначала историки, что если долго кушать колбасу, то, в конце концов, станешь петь басом. Проводились научные опыты, скормлено три тонны сырокопчёной, но басом никто не запел. Колбасная диета не выдержала критики. Едуны не пели, а выли, если их кормили продуктом несколько недель. В диету включали даже ливерную, кровяную и даже с душиком. Не пели, но сопели и кряхтели. А лингвисты пишут всё ещё, что слово — бас, баской, басина, басота, басалай, басиха, басунья, басёна, басулья, басёнок, басать, баситься, басовать, басить означали много чего удивительного и даже слово — басня из того же корыта. Если посмотреть в книгу Даля, то, чтобы перечислить значения только этих слов, потребуется пара страниц, но слововед Владимир Иванович сообщил, что басый, баский, баской и басистый означают — красивый, красный, видный, казистый, взрачный, осанистый, пригожий, нарядный, щёгольский, разубранный,

разукрашенный, изящный, опрятный, причёсанный, проворный, расторопный, вежливый, приветливый, речистый, краснобайный, хороший, добротный. Говорили – баская капуста, басенька девчонка, баские щи.

В старину колбаса всегда была баской – вкусной, хотя её мастера прикольщики делали из мяса мамонтов, бизонов, медведей, слонов, верблюдов и прочей живность, но никогда в колбасу не шло мясо самцов. Мясо самцов припахивает, по правде, и воняет. Нынче на этот закон не обращают внимания. Мясо хряков никогда прикольщики не бросали в мясорезки и мясорубки. А если кто кинет, так того секли верёвками или били колбасными палками по рёбрам.

Сегодня в фарш кладут всё, что попадёт под руку или под ногу. Часто используют крахмал, костную муку, сою, старые газеты, новые журналы и просто обёрточную бумагу, чтобы снизить содержание холестерина и сделать колбасы полезной для здоровья.

Большую роль играют в колбасе специи. К ним всегда относят: чеснок, перец, гипс, кориандр, мел, гречневую муку, горох дроблёный и молотый, обязательно кладут соль и какое-нибудь мясо. Это не специя, но иногда забывают. У кого есть ароматизаторы, красители, имитаторы дыма и мяса, то мясо и не обязательно бросать в фарш. Мясо – это специя особая, которая долго не хранится, а может протухнуть, если холодильник долго не включать в электросеть.

В ливерную колбасу никто уже давно не докладывает мясо. Не забывают, а просто обходятся отходами. За это колбаса ценится гурманами. В ней мало бумаги, совсем не бывает сои и гипса. Если вы собираетесь делать колбаски дома, то можно использовать всё, что осталось от ужина или обеда. Но не советуют

класть лук, редис и тыкву. Можно в разумных пропорциях кинуть рисовую кашу, гречневую, отварные макароны, морковь. У кого, что есть, что удалось найти в столе.

В докторскую колбасу иногда добавляют старые рецепты, стрептоцид, аскорбинку, молотые кости и рентгеновские снимки. Не стоит использовать ватные одеяла и застиранные бинты. Как показывает опыт, колбаса получается рыхлой, крошится. Поэтому нынче прикольщики не гнушаются столярным клеем или желатином.

Походную колбасу лучше есть в походе. Не дальнем походе на природу, а так вот – походил, походил по комнате, ещё отрезал. Выждал некоторое время, прислушался к жизни внутренних органов. Если позволяет аппетит и состояние организма, то можно ещё, но не увлекаясь. Зато дети должны кушать походную в жареном виде и в горячем. Обычно колбасой можно проверить наличие зубов и расстояния между ними. Если жилы застопорились в промежутках, значит, у вас есть зубы, а в колбасе, возможно, оказалось, по каким-то причинам мясо. По размерам жил можете определить, что прикольщики пользуются старым оборудованием, которое требует ремонта или замены.

Современные мастерские имеют отличные машинки. Если слесарь не найдёт свой ключ, то ничего не случится. Вместе с банками из-под кофе и пластмассовыми ложками рожковый ключ, да будь он трижды накидным или торцовым, его тоже не найдут, если он не прилепится к магнитам, которые должны быть для улавливания тяжёлых металлов.

Отдельная колбаса рекомендована при отдельном вегетарианском питании. Она быстро усваивается.

Отсутствие холестерина и мяса не вызывает аллергии, но будьте осторожны. Если технолог молод, то возможны варианты. Вместо сои он мог уронить в ящик кусок колбасы с бутерброда, а это повредит тем, кто привык кушать растительную пищу.

Мичуринская колбаса в основном состоит из того, что растёт на садовом участке. Это могут быть кролики, куры, козы, коровы и то, что хранится в холодильнике у хозяев. Лучше колбасу кушать под яблонькой или под бананом, хлеб вам тоже не потребуется, а тарелка борща не повредит. У кого хорошее настроение, то можно не предохраняться. Но если не уверены в сроке годности, то можно выпить граммов пятьдесят после каждого бутерброда с сыром или брынзой. Знайте, что алкоголь разрушает все яды, в том числе и колбасный.

С некоторых пор колбасных названий стало море. Но вот польской, краковской, одесской почему-то нет на наших прилавках. А возможно, секреты утеряли сами производителями. Или эти грузы задерживают на таможнях. Никто пока ничего об этих исчезновениях не может проинформировать покупателей.

Маленькие советы:

Вы собрались открыть колбасный завод? Не бойтесь. Колбасные изделия нужно выпускать без колебаний. Для проверки решимости прочитайте ГОСТ. Вам написали, что колбасу нужно коптить 20 суток. Но вы запаслись «жидким дымом». Для проверяющих фарш сделайте без жил. О ГОСТе забудьте. Нужно соблюдать технические условия. ТУ соблюдайте. Иначе как? Что это значит? Не должно быть в колбасе крупного щебня

и кусков асфальта, а также олифы и керосина. Все, что жуётся, что можно измолоть, перетереть в пыль, а, придав нейтральный запах, смело называйте колбасой. Если батон покрыла плесень, протрите солидолом, не впадая в панику. Солидол можно заменить растительным маслом. Эффект одинаковый.

Была привычка у старых продавцов – удаляли бечёвки, срезали заветренный слой у той колбасы, которая долго ожидала своего часа. Об этом пора забыть. Вместо бечёвок используйте проволоку, срезы сразу мажьте сливочным маслом. Разбираться в колбасных обрезках могут лишь высококлассные продавцы. Теперь их нет. Колбасные обрезки продавали по средней цене или по цене самого дешёвого продукта. Это убытки. Они вам не нужны, так как платить будете вы, а не продавец. Производителям желаю прибылей и меньше проверок, а читателям – приятного аппетита.

КОНКУРС

Уважаемая незнакомая читательница и внимательный читатель!

Вы можете поучаствовать в конкурсе на лучшее моё издание из тех, что Вам предложило издательство «БПП». Проголосовать за понравившуюся книгу, оформление - просто: посылаете на номер телефона, сумму, эквивалентную Вашим эмоциям, которые Вы получили.

8 906 968 97 76

С уважением – Ваш современник. Это. Пока.

СОДЕРЖАНИЕ

Верьте нам, люди.....	5
Весна	6
Такая работа.	10
Нерентабельное семейство.	14
Полезная вещь.....	17
Загадки природы.....	22
Влияние звёзд.	31
М.Ж.....	36
Игрушки.	44
Угол зрения.....	46
Прожиточный минимум.	53
Репетиция.	57
Жертва.	65
Открытое письмо.....	67
Не в цвете счастье.	70
Нельзя.	74
Как мы на себя плюём.	79
Это для народа.....	86
О символах.	91
Экономический случай.....	96
Лёгкая рука.	102
Горькие плоды.	106
Оздоровитель.	108
Аномальные странности.....	113
Развод.	116
Пошутил.....	118
Ультиматум Папкина.....	125
Верующие	128
Борьба	137
Колбасные сказания	142

